

*На правах рукописи*

СОСНИН Алексей Владимирович

**ЛОНДОНСКИЙ ТЕКСТ КАК СВЕРХТЕКСТ  
АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ: ИНТЕГРАТИВНАЯ  
КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ**

Специальность 10.02.04 – Германские языки

**АВТОРЕФЕРАТ**

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Нижний Новгород – 2018

Работа выполнена на кафедре английской филологии ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова».

**Научный консультант:**

доктор филологических наук, профессор  
**СИНЕОКОВА Татьяна Николаевна**  
профессор кафедры английского языка  
переводческого факультета ФГБОУ ВО  
«Нижегородский государственный  
лингвистический университет  
им. Н.А. Добролюбова»

**Официальные оппоненты:**

доктор филологических наук, профессор  
**БАБИНА Людмила Владимировна**  
заведующая кафедрой зарубежной филологии  
и прикладной лингвистики ФГБОУ ВО  
«Тамбовский государственный университет имени  
Г.Р. Державина»

доктор филологических наук, профессор  
**БОРИСОВА Елена Борисовна**  
профессор кафедры английской филологии  
и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО  
«Самарский государственный социально-  
педагогический университет»

доктор филологических наук, профессор  
**НИКУЛИНА Елена Александровна**  
заведующая кафедрой фонетики и лексики  
английского языка Института иностранных языков  
ФГБОУ ВО «Московский педагогический  
государственный университет»

**Ведущая организация:**

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный  
университет»

Защита диссертации состоится «27» марта 2019 г. В 11-30 час. на заседании диссертационного совета Д 212.163.01 при ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова» по адресу: 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а, III корпус, конференц-зал.


С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной литературы библиотеки ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова» по адресу: 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а, III корпус, ауд. 3503.

Автореферат размещен на официальном сайте ВАК Министерства образования и науки РФ: <http://vak.ed.gov.ru>

Диссертация и автореферат размещены на официальном сайте ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»: <http://www.lunn.ru>

Автореферат разослан « \_\_\_\_ » \_\_\_\_\_ 2018 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета

 С.Н. Аверкина

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

**Актуальность проблемы.** Лондон считается исторически первым мегаполисом Нового времени. Это одна из величайших мировых столиц и ключевая составляющая «английскости». В английской литературной традиции он нередко предстает как воплощение города вообще, как метафора самой сути урбанизированного пространства. Для английского социума Лондон – это, безусловно, культурная константа или категория культуры, представленная в сознании людей значимой ментальной сущностью.

Всегда существовал определенный смысловой изоморфизм, некоторое подобие понятий «Человек», «Город» и «Мир». Встает вопрос, чем может быть обусловлено такое, на первый взгляд, неожиданное структурирование действительности, которое находит широкое подтверждение в традициях словоупотребления, и с каких аксиологических установок оно осуществляется. Более того, жизнь в современном городе для миллионов людей – это повседневность и привычка; тем интереснее постичь ее как специфический вид знакового взаимодействия, представить ее как текст, открытый для интерпретации в синхронической и диахронической перспективе. Таким образом, на базе текстового представления британской столицы как категории английской лингвокультуры ставится вопрос о том, что может привести в урбанистику филологическая наука, в частности когнитивная лингвистика в ее семиотическом измерении.

Действительно, всеобъемлющее лингвистическое исследование категорий культуры или культурных констант возможно лишь в «едином пространстве семиозиса» (Ю.М. Лотман), интегрирующем как когнитивные, так и семиотические изыскания. Как известно, когнитивная лингвистика изучает языковые манифестации ментальных процессов, которые происходят при познании действительности индивидуальным сознанием, а эти процессы имеют знаковую природу. Можно также говорить об антропоцентричности как когнитивной лингвистики, так и семиотики, т. е. об их направленности на то, чтобы дать объяснение языку в широких рамках существования человека и форм его поведения в мире (концептосфере и семиосфере). В рамках антропоцентрической парадигмы принципиальную важность имеет положение о том, что наипервейшая феноменологическая языковая данность имеет форму речи или текста, продуцируемых человеком, и что именно эта форма должна служить исходным нередуцируемым материалом дальнейшего анализа, лингвистического или лингвофилософского. Наконец, и когнитивная лингвистика, и семиотика суть «науки, ориентированные на интерпретацию» (А.С. Самигуллина); вместе с тем, исследования значения невозможно ограничить ментальными аналогами знания. Настоятельно ощущается необходимость привлечения вспомогательного методологического аппарата – когнитивного по сути, но интегрирующего и другие методики. Представляется, что строгое лингвистическое описание такого сложного и многофакторного фрагмента реальной действительности, как Лондон, возможно при том условии, если ему в соответствие поставить семиотический объект – «лондонский текст», т. е. формализованное семантическое представление

о британской столице, учитывающее не только ее «объективно истинные» признаки. Лондонский текст – это нормативная реконструкция, являющее собой потенциальную сумму образующих его конкретных текстов, которые связаны общей тематикой и перекликаются друг с другом.

Поскольку человеческое мышление имеет преимущественно знаковую текстовую природу, а текст является ключевым семиотическим объектом, это позволит осуществить интеграцию когнитивного и семиотического подходов в исследовании английского языка, а также использовать в анализе прецизионные семантические процедуры. Выявление общесемиотических закономерностей функционирования текстов английской лингвокультуры позволяет по аналогии исследовать механизмы когниции у ее носителей и строить репрезентативные модели ментальных категорий, являющихся культурно-значимыми для английского социума. Текст – это первичная реальность всего гуманитарно-филологического мышления и исходный момент любой гуманитарной дисциплины: «там, где нет текста, нет и предмета мышления или исследования» [Бахтин 1986: 473].

Будучи наблюдаемым, текст поддается количественному исчислению, алгоритмизированной машинной обработке, наложению формализованной интерпретирующей сетки. Только по употреблению единиц в тексте можно судить о том, как осуществляется категоризация и строятся ментальные категории. Только таким образом можно получить достаточно полное лингвистическое описание действительности и, в конечном итоге, прийти к созданию систем искусственного интеллекта.

Актуальным представляется закрепить в активе лингвистических изысканий понятие текстемы или идеального текстотипа, окончательно ввести в программу изучения текста его сверхтекстовые или общеязыковые значения. Это сопряжено с необходимостью выделить признаки текста как единицы языка, характеризующейся воспроизводимостью, а не творимой каждый раз заново. Соответственно, реконструкцию идеальных текстотипов следует осуществлять на основе выделения и упорядочения семантических признаков, их конституирующих, а также установления регулярных отношений между выделенными признаками: статических и динамических. Это должно быть дополнено некоторыми регулярными правилами того, как в английском языке текстемы разворачиваются в реальные тексты.

В связи с этим представляется актуальным выработать такую стратегию реконструкции лондонского текста (и, шире, сверхтекстов английской лингвокультуры), которая бы основывалась на следующих положениях: (i) семантизация глубинных структур, которые изначально рассматривались только в грамматической перспективе; (ii) рассмотрение порождения предложения как поэтапного преобразования семантической репрезентации в конкретную поверхностную структуру; (iii) распространение принципа подобного структурного и семантического разворачивания на целые тексты, т. е. реализация перехода от парадигматического синтаксиса к парадигматике текста и включение последней в сферу лингвистического анализа германских языков.

**Объектом исследования** является лондонский текст как языковая единица английского языка – «эмический» текст [Harweg 1968], являющий собой семантический инвариант для группы текстов сходной тематики, реальных, или вербализованных, и потенциальных. На уровне ментальных представлений лондонскому тексту поставлена в соответствие этноспецифичная культурная константа. Помимо набора семантических признаков, лондонский текст инкорпорирует четкие алгоритмы их предикации и вербализации в синтагматических синтаксических последовательностях, развертываемых из общей парадигмы.

**Предметом исследования** выступает рекуррентная семантическая структура конкретных реализаций лондонского текста, выявляемая на основе пресуппозиции о таксономическом структурировании соответствующего фрагмента действительности и отражении этого структурирования в системе языка. Реконструкция лондонского текста организована циклически: от ингерентных («собственных») признаков репрезентирующих его семем к его контекстным реализациям, в которых актуализируются афферентные («привходящие») признаки семем, что позволяет выявить дополнительные компоненты в составе лондонского текста.

**Материалом исследования** послужили литературные и исторические произведения английских авторов с XVI по XXI вв. общим объемом около 75 тыс. страниц, английские периодические издания, сплошные выборки из отечественных и зарубежных толковых, фразеологических и энциклопедических словарей.

Литературные произведения, составляющие материал исследования, входят в «литературный канон», т.е. совокупность произведений, изучаемых в средней и высшей школе в стране исследуемого языка и отвечающих ряду других критериев. Выбор данного материала в качестве основного объясняется следующими причинами:

- именно на основе английского литературного канона формируется значительная часть концептосферы образованных англичан;
- установка на литературный текст позволяет выявить тот факт, что в состав сверткестов лингвокультуры, в частности, английской, входят не только «объективно истинные» признаки, но и признаки, характеризующие возможные литературные миры;
- с позиций когнитивного подхода к исследованию языка, для полного выявления вербализаций культурно-значимых ментальных категорий необходимы обширные контексты, в первую очередь литературные;
- ориентация на литературный текст в лингвистическом исследовании позволяет раскрыть традиционные связи лингвистики с литературоведением и другими гуманитарными дисциплинами в новом, объединенно семиотическом ключе и, таким образом, вовлечь в орбиту анализа энциклопедические знания, прагматические установки и аксиологические нормы.

Исследование опирается на литературный канон новоанглийского языка, т.е. совокупность литературных произведений, созданных на Британских островах на

более или менее стандартизированном языке с XVI века по настоящее время. На протяжении данного периода наблюдается существенная преемственность признаков, метафор, фреймов и сценариев, использовавшихся представителями английского социума при структурировании действительности, а также языковых средств их выражения [Демьянков 1994; Bloom 1994; LePan 1989].

**Научная проблема** диссертационного исследования задается необходимостью более полного и глубокого исследования английской лингвокультуры в условиях напряженной политической обстановки XXI века – не на основе разрозненных подходов, но за счет выработки и закрепления в активе научных изысканий интегрирующей и лингвистически прецизионной методики ее описания, которая способствовала бы преодолению эпистемологических и методологических противоречий когнитивного, семиотического, семантического и литературоведческого подходов применительно к исследованию германских языков.

Кроме того, представляется необходимым пересмотреть устаревшие воззрения на английскую лингвокультуру, которые выступают как «замедлители» культурных и политических процессов: не отказаться от них полностью, но сформировать на их основе представления релевантные, актуальные, что достижимо, в первую очередь, через интегрированное когнитивное, семиотическое и культурологическое исследование английского языка.

Структурирование культурно-значимого фрагмента реальности в виде сверхтекста, т.е. надтекстовой парадигматической единицы, во-первых, является логичным развитием представлений о языке как о системе уровней и, во-вторых, неизбежно требует обращения к национальному английскому корпусу литературных произведений, что способствует взаимообогащению русской и английской культур, развитию толерантности и эффективному разрешению политических противоречий.

**Степень научной разработанности темы.** Понятие городского текста было введено в научный оборот и теоретически обосновано академиком В.Н. Топоровым [1973], утверждавшим, что город имеет особые свойства, характерные текстовые структуры, которые делают его принципиально новой, семиотически насыщенной средой человеческого обитания. В статьях В.Н. Топорова [1984] и Ю.М. Лотмана [1984] проблема исследования структуры городского текста была поставлена наиболее полно.

Если учитывать конкретный объект городского текста, то В.Н. Топоров и Ю.М. Лотман писали о Петербурге. Хотя первый исследователь и полагал, что, помимо петербургского, выделять другие городские тексты в русской культуре не вполне оправдано, гуманитарное знание оказывается охваченным «текстовой революцией». Так, выходит сборник статей о московском тексте под редакцией Г.С. Кнабе [1998], выделяются провинциальные городские тексты: пермский текст описывает В.В. Абашев [2000], под редакцией В.Т. Захаровой [2013] опубликован сборник статей о нижегородском тексте в русской словесности.

Изучаются и тексты иностранных городов: например, лондонский текст в русской литературе разрабатывался Л.С. Прохоровой [2005] и Л.В. Воробьевой [2009], а в творчестве английского писателя П. Акройда – И.В. Липчанской [2014].

Тем не менее, феномен городского текста вообще и лондонского в частности рассматривался преимущественно с литературоведческих или общесемиотических позиций и не подвергался широкому лингвистическому анализу. В данном вопросе пока отсутствует научная строгость, нет формализованной лингвистической модели для анализа связанных с ним проблем. Настоящее исследование призвано определить лондонский текст английского языка и культуры, очертить его границы, дать ему прецизионное лингвистическое описание и предложить интегрирующую модель когнитивного, культурологического и языкового знания, стоящего за ним.

Понятие лингвистической модели возникает в структурализме (З. Харрис [Harris 1963], Ч. Хоккет [Hockett 1958]) и входит в научный обиход в 60-70-е гг. XX в. в связи с появлением математической лингвистики и распространением в языкознании методов кибернетики [Цейтлин 1982; Чжао 1965]. Типология лингвистических моделей была разработана Ю.Д. Апресяном [1966]. Согласно этой классификации, модель лондонского текста будет моделью речевой деятельности человека, имитирующей процессы текстопорождения. Соответственно, она будет также моделью порождающей, строящейся на основе генеративной семантики Дж. Лакоффа [Lakoff 1971], и одновременно моделью синтетической (от смыслового инварианта до множества синонимичных текстов на данном языке, выражающих этот смысл) и аналитической (от множества текстов на входе до реконструкции их смыслового инварианта на выходе) [Булыгина 2008].

Среди исследователей, которые, работая в русле когнитивной лингвистики, внесли вклад в представление реальности в виде лингво-когнитивных моделей, следует отметить А.П. Бабушкина [1996; 2001], Н.Н. Болдырева [1998; 1999; 2001; 2002; 2004], В.З. Демьянкова [1992; 1994], А.А. Залевскую [2001], А.В. Кравченко [2000; 2004], Е.С. Кубрякову [1994; 1996; 1999; 2002; 2004], М.В. Пименову [2004], И.В. Полозову [2003; 2004], З.Д. Попову и И.А. Стернина [1999; 2001; 2003; 2005; 2007], Е.В. Рахилину [1997; 2000], Р.М. Фрумкину [1992; 1999], А.П. Чудинова [2004]; М. Блэка [Black 1993], С. Глаксберга [Glucksberg 1993], М. Джонсона [Johnson 1987], Ф. Джонсона-Лэрда [Johnson-Laird 1988], Дж. Лакоффа [Lakoff 1980; 1987; 1993; 1999], Р. Лангакера [1987; 1991; 1999], М. Минского [1979; 1988], А. Ортони [1993], Л. Талми [Talmy 1988; 2000], Дж.Р. Тейлора [Taylor 2002], Ч. Филлмора [1998], Ж. Фоконье [1997; 1998], У. Чейфа [1983].

Исследованиями в области культурологической лингвистики занимались Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров [1976], С.Г. Воркачев [2001], В.Г. Зусман [2001], В.И. Карасик [2001], Г.Г. Слышкин [2000], Ю.С. Степанов [2001]; К. Бэлси [Belsey 1991], Р. Уильямс [Williams 1976] и др. О культурных константах как ментальных категориях, существующих длительное время, писал Ю.С. Степанов [2001]; близкое понятие категорий культуры как компонентов картины мира у носителей конкретной культуры в определенную эпоху было предложено А.Я. Гуревичем [1984].

На знаковую, семиотическую природу когнитивных процессов указывали, в частности, Н.Д. Арутюнова [1997], М.М. Бахтин [1963; 1986], В.Н. Волошинов

[1930], Н.Б. Мечковская [2004], Ч. Пирс [Peirce 1931-1958]. О когнитивном характере семиотики говорит А.С. Самигуллина [2007; 2013].

Постулат о текстовой природе семиотики, являющийся принципиальным для настоящего исследования, был выдвинут представителями московско-тартуской структурно-семиотической школы, характеризующейся предельной текстоцентричностью и рассматривающую культуру как абстрактную систему текстов (М.Л. Гаспаров [1999], А.К. Жолковский [1994], Вяч.Вс. Иванов [1966; 1988], Ю.М. Лотман [1970; 1981; 1983; 1986; 1992; 1995; 2002], А.М. Пятигорский [1970], В.Н. Топоров [1973; 1983; 1987; 1995], П.Х. Тороп [1981; 1995], Б.А. Успенский [2002]).

С позиций сверхструктур, прежде всего, семантических, текст начинает рассматриваться в работах И. Беллера [1978]; В. Дресслера [1978], Я. Петёфи [Petöfi 1971], Г. Ризера [Rieser 1973], Т.А. Ван Дейка [Van Dijk 1975], Р. Харвега [Harweg 1968; 1973]. Это получает дальнейшее развитие в трудах отечественных исследователей, в частности, Г.В. Битенской [1994], И.В. Гюббенет [1991], Г.В. Колшанского [2010], Т.М. Николаевой [1978].

Вопросам включенности текста в межтекстовые связи, интертекстуальные и гипертекстуальные, и, шире, в парадигмы знания посвящены работы М.М. Бахтина [1986], Ю.Н. Караулова [1981; 1989], Ю.Н. Тынянова [1977]; Ю. Кристевой [2000], Т. Нельсона [Nelson 1981], А. Нойберта [Neubert 1985], Й. Хельбига [Helbig 1996].

Термин «текстема» в значении языковой парадигматической единицы текстового уровня впервые появляется в трудах В. Дресслера [1978] и Р. Харвега [Harweg 1968; 1973]; в актив научного поиска отечественной науки его предлагает ввести Н.Ф. Алефиренко [2007] и обозначать им языковую единицу – абстрактный инвариант группы текстов, реальных и потенциальных. Структуру текстемы, ее место в системе языка, критерии ее выделения исследуют, в частности, А.Р. Габидуллина [2011], А.И. Фефилов [2011; 2012].

**Теоретико-методологическое основание**, на котором строится диссертационное исследование, обусловлено его принципиальной установкой на интеграцию когнитивного и семиотического подходов, в соответствии с которой анализ ментальной сущности «Лондон», являющейся культурно-значимой для английского социума, осуществляется через семантическое исследование соответствующего ей сверхтекста.

В ходе исследования текстов заданной смысловой сферы, т. е. тех текстов, в которых наличествуют вербализации данной ментальной сущности или концепта, выделяются их семантические признаки. На основе полученной теоретико-множественной суммы признаков в совокупности их взаимоотношений, статических и динамических, конструируется семантический каркас сверхтекста как глобальной вербализации концепта. При этом ориентация на текст абсолютно необходима, поскольку в нем актуализируется больше признаков по сравнению с бесконтекстной вербализацией. Это связано с тем, что некоторые признаки сверхтекста выражаются косвенно и для их выявления необходимо использовать интерпретативные процедуры. Соответственно, для реконструкции лондонского текста был выбран метод интерпретирующего семантического анализа в рамках



общей концепции единой семантики, разработанной французскими исследователями-структуралистами (А.-Ж. Греймас [Greimas 1966; 1970; 1976; 1979; 1983; 1986], Ж. Курте [Courtés 1979; 1981], Б. Потье [1962; 1974; 1987; 1992], Ф. Растье [2001; Rastier 1994; 1998]; в отечественной науке развита А.Е. Бочкаревым [2003; 2007; 2014]). Преимущества данного метода перед американским вариантом компонентного анализа заключаются в следующем:

- строго дифференциальная модель значения и его интенциональная трактовка;
- семиотически объединенное рассмотрение лексического, синтаксического и текстуального уровней как при интерпретации, так и при продуцировании текста;
- преодоление противоречий семантики и прагматики (семантический компонент неразрывно связан с прагматическим, и на интерпретацию языковых выражений влияют как собственно языковые, так и внешние, контекстуальные ограничения, которые зачастую характеризуются не меньшей нормативностью, чем языковые);
- ориентация не на «факт», а на суждение о нем в рамках антропоцентрического подхода к языку: семный анализ полагает, что мир не дан человеку непосредственно в восприятии, а интерпретируется им в зависимости от установок так, что один и тот же объект может получать различную интерпретацию в зависимости от возможного мира говорящего.

Поскольку в единой семантике возможные миры учитываются при описании языкового значения наряду с миром, «онтологически верным», настоящее исследование также опирается на положения семантической теории возможных миров, представленной трудами А.П. Бабушкина [2001(a)], Э. Баха [2010], С. Кангера [1957], Р. Карнапа [1959], С. Крипке [1982; Kripke 1963], Д. Льюиса [Lewis 1968], Я. Хинтикка [1980].

В семном анализе постулируется необходимость привлечения затекстовых (литературных, энциклопедических) знаний для описания семем, что подтверждает включенность стоящих за ними концептов в парадигмы знания о мире и соотнобразуется с положениями когнитивной семантики, отличительной особенностью которой является выход за пределы имманентной языковой структуры (Н.Н. Болдырев [2004], Т.В. Яскевич [2000], Дж.Р. Тейлор [Taylor 2002], Р. Шенк [Schank 1977]).

**Методика исследования.** В ходе исследования были использованы общенаучные методы и исследовательские операции анализа, синтеза, сравнения, интроспекции. В основе проводимого в работе исследования лондонского текста в корреляции с соответствующим ему культурно-значимым и этноспецифичным концептом лежит комплексный, индуктивно-дедуктивный подход, предполагающий направленность исследования как от формы к содержанию, так и от содержания к форме. При анализе материала применялись частнонаучные лингвистические методы: методы дефиниционного, интерпретирующего семного, этимологического, трансформационного, пропозиционального, дистрибутивного и контекстуального анализа; метод когнитивно-семиотического моделирования.

Выделение классов семем, на основе которых строится лондонский текст осуществлялось на основе (i) онтологических таксономий; (ii) социолектных норм; (iii) идиолектного или индивидуально-авторского постижения действительности.

На основе дефиниционного анализа лексем, соответствующих семемам из выделенных таксономий, задавалась пресуппозиция контекстного поиска, т.е. с помощью формальных семантических процедур заключалось об актуализации или нейтрализации ингерентных семантических признаков из словарных дефиниций в текстах из английского литературного канона. На базе тех же процедур выявлялись афферентные или контекстуально-привнесенные семы. Признаки, выявленные в ходе семного анализа, отождествлялись с признаками лондонского текста (и признаками одноименного концепта на когнитивно-концептуальном уровне), а семемы – с текстовыми слоями. Таким образом, реализовывалась циклическая методика описания лондонского текста, когда семемы предвосхищают контекст, а контекст актуализирует их имплицитное содержание.

Этимологический анализ способствовал выявлению этимологии лексемы, являющейся именем сверхтекста. Необходимость этого объясняется тем, что в лондонском тексте, как и в любом сверхтексте лингвокультуры, синхронное, относительно стабильное содержание невозможно отделить от его «памяти», т.е. динамического процесса возникновения словесной формы, которая служит его именем и основной реализацией и в которой заключается изначально данный в сверхтексте смысл.

Словообразовательный анализ был призван обеспечить наиболее полное выявление всех структурных составляющих сверхтекста за счет анализа производных лексем от лексемы, которая является его именем. При этом, поскольку лондонский текст – это построение преимущественно семантическое, устанавливалось, какая часть семантики мотивирующего слова использовалась в акте создания производного слова и продолжала ощущаться говорящим при его использовании, т.е. при реализации сверхтекста. Рассмотрение производных слов также позволило осуществить анализ способов реализации сверхтекста на морфемном уровне.

Дистрибутивный анализ имел две цели. Во-первых, отбор интерпретирующих семем осуществлялся на основе конкретных реализаций лондонского текста, т.е. в плане выражения анализировались отношения исследуемой лексемы к другим лексемам, связанным с ней парадигматически или синтагматически. Во-вторых, анализ сочетаемости лексемы «London», являющейся именем исследуемого сверхтекста, был необходимым в силу того, что в комбинаторике обнаруживаются алгоритмы реализации сверхтекста, т.е. его развертывания в реальные тексты. В сочетаемости лексем (в т.ч. устойчивой и фразеологической) выявлялись стандартные структурные составляющие лондонского текста больше лексемы (или, в семантическом отношении, ее семемы), которые рекуррируют в бесконечном множестве текстов.

На основе трансформационного метода в сочетании с пропозициональным анализом устанавливались алгоритмы развертывания лондонского текста из общей парадигмы в реальные синтагматические последовательности.

**Основная гипотеза исследования.** Являясь многомерным полиаспектным образованием и будучи включенным в меж-сверхтекстовые парадигмы, лондонский текст английской лингвокультуры является ключом к постижению ментальности англичан, поскольку выявление закономерностей функционирования текста в его общесемиотическом понимании позволяет по аналогии исследовать деятельность человеческого мозга и строить репрезентативные модели ментальных категорий через соответствующие им сверхтексты. Категории английской лингвокультуры, таким образом, эффективно описывать на основе их сверхтекстов, т. к. текст – это первейшая языковая данность и именно она должна служить исходным нередуцируемым материалом лингвистического анализа. В языке можно выделить единицу текстового уровня – текстему и описать ее в терминах суперсегментных текстовых характеристик (прежде всего, семантических), которые распространяются на реализованные последовательности элементов разной протяженности.

**Цель исследования** – разработать лингвистическую этноспецифичную модель, которая интегрирует когнитивный и семиотический подходы и которая описывает ментальное отражение и представление в языке фрагмента реальной действительности – британской столицы.

Достижение заявленной цели предполагает решение следующих теоретических и практических задач:

- 1) выявить предпосылки для изучения ментальных категорий, релевантных для английского социума через сверхтексты английской лингвокультуры и, в первую очередь, через лондонский текст;
- 2) разработать понятийно-терминологический аппарат для интегративного когнитивно-семиотического исследования на материале английского языка;
- 3) определить параметры функционирования текста как единицы языка;
- 4) установить системы знания, участвующие в построении лондонского текста; выявить таксономическое структурирование лондонского текста как основу для построения его модели; учесть в ней социально-нормированный и идиолектный характер лондонского текста;
- 5) дать типологию компонентов лондонского текста и отношений между ними;
- 6) обосновать потенциально актуализуемую структуру лондонского текста, его диффузные границы и стохастичную природу; учесть это в его модели;
- 7) рассмотреть включенность лондонского текста в меж-сверхтекстовые парадигмы английского языка;
- 8) разработать уровневую стратификацию лондонского текста, подходящую для структурирования и построения когнитивно-семиотических моделей других категорий английской лингвокультуры.

**Научная новизна исследования** состоит в разработке и применении интегративного когнитивно-семиотического подхода к исследованию категорий английской лингвокультуры. В работе был последовательно доказан когнитивный и сверхтекстовый характер семиотики и представлен моделирующий конструкт – лондонский текст как смысловое надтекстовое единство, включающее в себя

потенциальную сумму признаков всех текстов о британской столице, написанных и потенциальных, а также алгоритмы предикации этих признаков в реальных синтаксических последовательностях.

В исследовании выявлен гипертекстуальный и интертекстуальный характер лондонского текста, впервые математически доказана несамодостаточность и многомерность текстов, содержащих описания Лондона, осуществлено семантическое построение лондонского текста на основе аппарата интерпретирующего семного анализа, дано таксономическое структурирование лондонского текста с участием различных систем знания: научно достоверных и «наивных». Выявлены отличия лондонского текста от его объекта – реального города – в рамках интенциональной трактовки языкового значения.

Обоснованы преимущества синхронного изучения лондонского текста английской лингвокультуры перед диахронным, т. к. доказывается, что признаки предыдущих эпох присутствуют в нем в виртуализованном, неактуальном виде. Выявлена преемственность, признаков, метафор, фреймов и сценариев, использовавшихся представителями английского социума при структурировании фрагмента действительности «Лондон» на протяжении новоанглийского периода, а также языковых средств их выражения. Тем не менее, устанавливается, что вектор оценки тех или иных явлений, связанных с Лондоном, может смещаться. В рамках выбранной методики интерпретирующего семного анализа в исследовании эффективно решается проблема коннотативного компонента значения.

Представлена особая концепция лондонского времени – панхронизм – когда британская столица вмещает в себя все эпохи, свидетелем которых она была, что находит выражение в языковых средствах, оформляющих лондонский текст, в частности, в метафоре палимпсеста.

Выдвигается и обосновывается положение о том, что изучение сверткстов английской лингвокультуры целесообразно проводить на основе английского литературного канона, т. е. произведений, изучаемых в средней и высшей школе в Великобритании и отвечающих ряду других критериев, т. к. именно на основе литературного канона формируется значительная часть концептосферы образованных носителей языка.

Доказывается, что лондонский текст не является гомогенным построением, складываясь из тематически ограниченных и темпорально локализованных субтекстов. Устанавливается, что лондонский текст строится на основе интерсемиотичности, т. е. динамического взаимодействия разнотипных знаковых систем.

Выявляется асинхронность формирования лондонского текста у представителей английской лингвокультуры и носителей других культур, что может вызывать трудности при переводе с одного языка на другой. Объясняются причины возникновения такой асинхронной концептуализации действительности; рассматриваются стереотипные образы Лондона, свойственные лондонскому тексту неанглийских литератур.

**Теоретическая значимость.** Предложенная когнитивно-семиотическая модель сверткстового представления фрагмента действительности «Лондон»

эффективна для описания сложных ментальных образований, служащих категориями английской лингвокультуры.

Результаты, полученные на базе модели лондонского текста, являются значимыми для понимания процессов концептуализации и репрезентации знания о фрагменте действительности. Выявленные способы концептуализации носителями английского языка ситуаций разнообразных областей опыта, связанных с британской столицей, углубляют представления об особенностях англоязычной языковой личности, внося существенный вклад в развитие данной области лингвокультурологии.

Теоретическая значимость работы также заключается в дополнении и дальнейшем развитии принципов когнитивной лингвистики, разработке проблем концептуализации и репрезентации знания, вопросов теории когнитивной метафоры применительно к германским языкам. Так, было доказано, что исследование значения не сводится исключительно к когнитивным представлениям знания, а языковое значение не равнозначно ментальным репрезентациям. При изучении рекуррентных синтаксических структур из текстовой традиции выявляется субстанция означаемого с помощью прецизионных интерпретирующих процедур, строится промежуточная семантическая модель и на ее основе структурируется ментальный конструктор.

Теоретически значимым является тот факт, что в когнитивно-семиотической модели лондонского текста учитываются системы построения смысла, являющиеся «вторичными» по отношению к языковой, что обусловлено невозможностью объяснить его отдельные компоненты имманентными языковыми законами. На примере английского языка в исследовании последовательно развивается постулат о неразрывном единстве языка и литературы, в основе которых лежат пропозициональные функции с постоянными и переменными компонентами.

Выделение текстемы как единицы языка с набором необходимых для этого критериев является логическим продолжением теории парадигматического синтаксиса и закономерным развитием воззрений на язык как на иерархическую систему уровней.

**Практическая значимость** работы определяется возможностью применения разработанного подхода к исследованию сверттекстов на материале других лингвокультур. Основные положения, материал и методологические приемы исследования могут найти применение в преподавании ряда лингвистических дисциплин: лингвокультурологии на материале английского языка, общего языкознания, когнитивной лингвистики, семантики и теории текста, теории и практики перевода. Полученные результаты могут быть также использованы при разработке соответствующих разделов теоретических грамматик английского языка, а также при написании кандидатских диссертаций, курсовых и выпускных квалификационных работ, в профессиональной подготовке специалистов в области германских языков, когнитивистики и культурологии.

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать следующие **положения, выносимые на защиту**:

- 1) поскольку человеческое мышление является по своей природе знаковым, в выявлении категорий мышления и механизмов когниции целесообразно придерживаться интегративного когнитивно-семиотического подхода, реконструируя их через вербальные и невербальные знаки; при этом ключевым семиотическим объектом является свертхтекст, а выявление закономерностей его функционирования позволяет по аналогии исследовать ключевые культурно-значимые концепты и деятельность человеческого мозга;
- 2) текст соответствует критерию воспроизводимости, необходимому для его выделения в качестве языковой единицы или текстемы: воссоздается не какая-то конкретная оболочка, а общая семантическая структура; текст без свертхструктуры не является осмысленным, поскольку не соотносится со структурированной концептосферой социума; текстема разворачивается с прохождением иерархии уровней: от исходной абстракции до конкретной реализации, причем процесс разворачивания будет специфичным для английской лингвокультуры;
- 3) в рамках представления английской лингвокультуры как совокупности свертхтекстов, т. е. воспроизводимого набора типизированных смыслов, ключевым ее объектом является лондонский текст как репрезентант знания о важнейшем фрагменте действительности;
- 4) в состав лондонского текста входят не только «объективно-истинные» смысловые компоненты, но и компоненты социально-нормированные, литературные, идиолектные, поскольку структура когнитивных процессов у носителя английского языка не определяется «бытийным» или «онтологически верным» положением вещей: важно то, как это человеку представляется в соответствии с его ценностями, верованиями и убеждениями;
- 5) в массовом сознании носителей английского языка классическая таксономическая структура представления знания вытесняется мозаичным типом его организации по типу коллажа; лондонский текст, соответственно, характеризуется калейдоскопичностью, имеет стохастичный характер, что выражается в непрогнозируемых пропозициональных структурах, в которых он реализуется;
- 6) структурирование лондонского текста в терминах «ядро – периферия» не вполне адекватно отражает процессы когниции, поскольку в каждой конкретной коммуникативно-прагматической ситуации любой смысловой компонент из состава лондонского текста может актуализироваться или нейтрализоваться;
- 7) лондонский текст включен на языковом уровне в меж-свертхтекстовые парадигмы – подобно тому, как стоящий за ним культурно значимый концепт включается в парадигмы когнитивные, а реализации лондонского текста входят в интертекстуальные связи; лондонский текст, соответственно не самодостаточен и многомерен;

- 8) специфика лондонского текста заключается в конкретном семантическом заполнении схем высокого уровня обобщения «urban area» и «capital city» как ячеек таксономического структурирования отображаемой в сознании человека действительности, а также входящих в их состав рамочных структур, которые соотносятся с семемами одноименных таксем; лондонский текст реализуется в построениях с лексическими репрезентациями семем, входящих в таксемы «urban area» и «capital city», с лексемой «London», с производными от нее словами, с устойчивыми словосочетаниями и предложениями с именем «London», с лондонскими топонимами; существуют также метафорические реализации лондонского текста;
- 9) лондонский текст не является гомогенным построением, складываясь из тематически ограниченных и темпорально локализованных субтекстов.

**Соответствие диссертации паспорту специальности.** Диссертационная работа соответствует паспорту научной специальности 10.02.04 – Германские языки, а именно следующим пунктам: «структура словарного состава, функционирование лексических единиц, развитие и пополнение словарного состава, лексика и внеязыковая действительность, лексикологические категории, фразеология, синтаксический строй»; «проблемы передачи различных языковых явлений в разных языках, в переводах с германских языков на родной и обратно»; «методы исследования лексических единиц».

**Апробация работы.** Основные положения работы обсуждались на заседаниях кафедры английской филологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (октябрь 2018 г.), докладывались автором на международной научной конференции «Скребневские чтения» (НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, 2018, 2016, 2014, 2012), XLVI Международной филологической конференции (СПбГУ, Санкт-Петербург, 2017), XVI Апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ (секция «Universalism and Relativism in the Philosophy of Language and Mind», НИУ ВШЭ – Москва, 2015), всероссийской научной конференции «Стратегии и тактики в англоязычном речевом общении» (НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, 2015), XIV международной научной конференции «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (ТГУ, Томск, 2013), международной научной конференции «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи» (НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, Н. Новгород, 2011), межвузовской научно-методической конференции «Иностранный язык в национальном исследовательском университете: новые задачи и ценностные ориентации» (НИУ-ВШЭ – Пермь, 2011), международной научной конференции «Русский акцент в мировой культуре: литература, искусство, перевод» (НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, Н. Новгород, 2010), межвузовской научно-методической конференции «Двухуровневая система образования и ее учебно-методическое обеспечение» (НФ ГУ ВШЭ, Нижний Новгород, 2010), международной научной конференции «Лингвистические основы межкультурной коммуникации» (НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, Н. Новгород, 2009).

По материалам исследования опубликовано 32 научные работы, в том числе 20 в научных рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства

образования и науки РФ, и одна статья в издании, индексированном в библиографической и реферативной базе «Scopus».

**Личный вклад автора** состоит в том, что диссертационная работа представляет собой самостоятельное исследование, выполненное на актуальном материале – английском литературном каноне, – и в том, что она открывает новое направление когнитивных и культурологических исследований английского языка: «интегративная сверхтекстовая репрезентация категорий английской лингвокультуры». В исследовании выдвинута и теоретически обоснована концепция сверхтекстовой природы английской лингвокультуры, в рамках этой концепции построен интегративный когнитивно-семиотический конструкт «лондонский текст», задающий образец для лингвистического описания других категорий английской лингвокультуры; установлена типология структурных составляющих лондонского текста, выявлены его внутренние связи и алгоритмы развертывания в реальные тексты, установлено его вхождение в межсверхтекстовые парадигмы английской лингвокультуры, обоснована его нормативная или аксиологическая значимость для представителей английского социума; окончательно разведены понятия «текст синтагматический или линейный», «текст парадигматический или сверхтекст», «гипертекст», «интертекст», «текстема», «дискурс»; в целях формализованной и прецизионной реконструкции лондонского текста существенно дополнен описательный аппарат когнитивных и культурологических изысканий в лингвистике.

**Структура диссертации** обусловлена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, семи глав, выводов, заключения, библиографии и трех приложений.

## **ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ**

**Глава 1 «Интеграция когнитивных и семиотических исследований. Сверхтекстовая природа семиотики»** посвящена когнитивной природе семиотики и возможностям использования ее аппарата в когнитивных и лингвокультурологических исследованиях языка в рамках его представления как системы знаков, которыми замещаются предметы речи, и системы символов, которые представляют духовный опыт его носителей. На основании этого в главе излагается программа интеграции когнитивного и семиотического подходов в описании языка, а также задаются предпосылки к созданию моделирующего конструкта ментального отражения фрагмента действительности – лондонского текста, т. е. «всеобъемлющей» вербализации одноименного концепта. Так, для установления точных соответствий между языком и когнитивными представлениями представляется продуктивным обратиться к семиотическому моделированию, т. к. человеческое мышление является по своей природе знаковым, а знак становится знаком только тогда, когда он кому-либо адресуется и интерпретируется как знак чьим-либо мышлением.

Одной из основных черт семиотического подхода, стремящегося обнаружить инвариант некоторого явления или вещи, является его «сверхтекстовость», когда текст понимается как некоторая общая модель для группы текстов – в рамках ко-



текстуальной теории текста, задача которой заключается в построении некоторого текста-конструкта, воплощающего некоторую общую идею, а затем – в генерировании всех возможных реализаций исходного текста и их сопоставлении. При этом вслед за Ю.М. Лотманом текст рассматривается как «генератор смысла», как гетерогенный и гетероструктурный объект, являющий собою реализацию нескольких семиотических языков. Текст наблюдается не в качестве завершённого продукта, а как его генерирование, включенное в другие тексты и коды и связанное с обществом и его историей благодаря межтекстовым ассоциациям.

Интеграция когнитивного и семиотического осуществляется в рамках концепции «единой» (объединенной) семантики. Семиотический анализ текста при этом заключается в выявлении в нем пропозиций различной степени общности, в выделении и классификации предикатов, которыми персонажи и «вещи» наделяются в тексте, и, наконец, во включении индивидуальных сущностей из текста в общие разряды, что вскрывает картину глубинного устройства мира с позиций данного текста.

Анализ ментальных сущностей через семантическое исследование соответствующих им текстов, интеграция когнитивного и семиотического подходов позволяет решить ряд методологических задач: использовать в анализе строгие лингвистические процедуры; «примирить» языкознание с литературоведением и «вторичными моделирующими системами» в рамках общего семиотического подхода; продемонстрировать, что в состав сверхтекста входят не только «объективно истинные» признаки; описать данный ментальный фрагмент с позиций диалогичности и приращения новых смыслов – в терминах актуализации потенциальных социолектных и идиолектных сем (появление новых интерпретаций текста в новые эпохи, его различные толкования различными социальными группами, текст как продукт не только автора, но и читателя).

В **Главе 2 «Прологомены к описанию лондонского текста»** даются теоретические предпосылки к семантическому описанию лондонского текста английской лингвокультуры как потенциальной суммы смыслов всех образующих его конкретных текстов, которые связаны общей тематикой Лондона.

Понятие городского текста отражает неклассический тип художественного мышления и современные эстетические реалии. В литературоведческой перспективе лондонский текст – это комплекс образов, мотивов, сюжетов, который воплощает модель бытия в британской столице как специфического феномена культуры. С лингвистических позиций, это формализованное семантическое представление объекта реальной действительности, которое включает в себя не только его объективно истинные признаки; это нормативная реконструкция. Это «глобальная» вербализация концепта «Лондон», получаемая путем сближения текстов исследуемой смысловой сферы, т. е. текстов, в которых наличествуют вербализации данного концепта; это теоретико-множественная сумма признаков, характерных для произведений, которые составляют субстрат лондонского текста (являются его реализациями). Лондонский текст выступает здесь в качестве «концептуального каркаса». В этом обнаруживается принципиальная установка настоящего исследования на интеграцию когнитивного и семиотического подходов, в соответствии с которой анализ социально значимых

ментальных сущностей осуществляется через семантическое исследование соответствующих им текстов.

Поскольку лондонский текст – это сумма образующих его конкретных текстов, которые связаны общей тематикой и перекликаются друг с другом, его можно охарактеризовать как свертхтекст и гипертекст. Свертхтекст понимается как некоторая общая модель для группы текстов в рамках ко-текстуальной теории текста, цель которой состоит в том, чтобы построить некоторый текст-конструкт, общую идею, а затем породить все возможные воплощения этого изначального текста и сравнить их особенности.

Являя собой гипертекст, лондонский текст имеет нелинейную структуру, характеризуется размытыми границами и дискретностью, строится на основе интерсемиотичности, а межтекстовые переклички и совпадения образующих его текстов объясняются более глубокими причинами, чем простое цитирование, реминисценции или подражание – не влиянием одного текста на другой текст, одного автора на другого автора, а наличием некоторой «сверхтрадиции».

Аллюзивный, интертекстуальный характер лондонского текста заключается в его способности эвоцировать другие свертхтексты культуры – подобно тому, как в его реализациях содержатся отсылки к другим текстам.

Лондонский текст подлежит наблюдению не как застывший продукт, а как его производство, включенное в другие тексты, другие коды и тем самым связанное с обществом и историей за счет межтекстовых ассоциаций. Выявление этих межтекстовых ассоциаций выводит интерпретацию текста за пределы его имманентной структуры, т. е. текст, содержащий описание Лондона, не может считаться самодостаточным.

Даже если в конкретной реализации лондонского текста нет намеренных интертекстуальных включений, их число все равно не может быть нулевым, поскольку текст не создается *ab nihilo*, что указывает на обусловленность реализации свертхтекстом, который, в свою очередь, включен в межтекстовые парадигмы. Таким образом, самодостаточность некоторой реализации лондонского текста никогда не может быть полной, но она также не может быть нулевой, поскольку ни в одном тексте нет неисчерпаемого смысла.

Лондонский текст не структурируется линейно и строится по принципу многомерного объекта.

Реконструкция лондонского текста осуществляется на основе семантического анализа произведений английской литературы с XVI по XXI вв., включенных в английский литературный канон, которые так или иначе связаны с Лондоном. Анализируемые произведения сближает не только тема, но и сходная ее трактовка или, другими словами, предикация сходных признаков, которые актуализуются во всех текстах, участвующих в анализе.

Предпосылкой для интерпретации существующих текстов о Лондоне и порождения новых текстов о нем служит знание художественных миров или типичных текстовых структур. Этот факт связан с интертекстуальным характером Лондонского текста, и отсюда проистекает схожесть описаний Лондона у самых различных авторов. Так, выделяется функция расширения значения ЕХТ, которая на основе интерпретирующих процедур позволяет находить проявления

сущностей в мирах, заданных в качестве аргумента. Так, если дан мир  $w$  и сущность  $L$  (*London*), выражаемая набором семантических признаков, то  $\text{EXT}(L)(w)$  будет подмиром, который является проявлением  $L$  в мире  $w$ , т. е. результирующий набор признаков  $L_I = \text{EXT}(L)(w)$ . Мир  $w$  – это трансформация «онтологически реального» мира  $W$  в зависимости от социолектных и идиолектных установок автора как конструктора текста / данного мира  $w$  и читателя как его дешифратора.

В качестве сущности  $L$  также могут рассматриваться семемы, входящие в таксемы или классы семем, которые соотносятся по одной или нескольким общим семам с семемой, которая вербально репрезентируется лексемой «London». Практически во всех текстах, где фигурирует наименование «London», оно прежде всего истолковывается (i) как урбанизированное пространство, город; (ii) как столица Великобритании. В прочих текстах семы /urban area/ и /capital city/ всегда присутствует в актуализованном или виртуализованном виде. Эти семы являются родовыми для таксем //urban area// и //capital city//, в состав которых входят семемы 'town', 'borough', 'city', 'emporium', 'cosmopolis', 'metropolis', 'agglomeration', 'conglomeration', 'conurbation', 'sprawl', 'megalopolis', 'capital'. Данные семемы представляют собой гипо-гиперонимический ряд (ряды) и строятся на иерархии сем (например, по возрастанию степени урбанизации пространства). За счет изучения синтагматических и парадигматических связей этих семем и подстановку их в формулу  $L_I = \text{EXT}(L)(w)$  представляется возможным выявить больше признаков лондонского текста, чем если бы мы в качестве  $L$  брали только «словарную» семему 'London'. Суммируя полученные смыслы, которые выявляются в интерпретирующих семемах в зависимости от контекста, можно получить достаточно полное семантическое описание исследуемого текста. Перечисленные семемы отождествляются со слоями или уровнями лондонского текста.

Каждый элемент лондонского текста потенциально обладает всей суммой возникающих в разных ситуациях значений. Отсюда предельная неопределенность, стохастичность каждого элемента. Частная задача при таком подходе заключается в выявлении регулярных семантических (статических и динамических) отношений между семемами и их классами, значимых для корпуса текстов, которые составляют лондонский текст.

Выделение сем и семем осуществляется не референциально, а интенционально: семы определяются через отношения между семемами; эти отношения детерминируются лингвистическим и ситуационным / прагматическим контекстом; определение семемы также является исключительно дифференциальным.

Соответствующая лондонскому тексту онтологическая реальность отражается в нем не абсолютно. Соответственно, при выявлении признаков исследуемого текста нельзя ограничиться «объективно истинной» стороной онтологического бытия: для описания такого сложного явления необходимы литературные тексты, а речь в них идет не только о том, что имеет место в реальном мире, но и о том, что могло бы быть в некотором возможном мире – ассумптивном универсуме, зависящем от личности автора, интертекстуальной рамки, стилевой отнесенности,

аксиологических установок и проч. Предметом анализа, соответственно, становится не мир как таковой, а его концептуализация в рамках некоторой системы мнения, что, однако, не означает отказа от действительного мира, но предполагает разграничение реальности и текста, между которыми, безусловно, существует некоторое соответствие.

Таким образом, лондонский текст представляет собой предельно усложненный конструктор аккумуляющего типа, включающий в себя как «онтологически-реальные», так и литературные признаки, а также характеризующийся высокой степенью стохастичности и неопределенности.

В исследовании культурно-значимых категорий абсолютно необходима установка на литературный текст, поскольку это позволяет восстановить традиционные связи лингвистики с литературоведением и другими гуманитарными дисциплинами и, таким образом, вовлечь в орбиту анализа прагматические установки и аксиологические нормы, а также учесть «вторичные» семиотические системы наравне с языком.

Исследование свертков культуры целесообразно проводить на материале литературного канона, т. е. совокупности произведений, изучаемых в средней и высшей школе в стране исследуемого языка. Именно на основе литературного канона формируется значительная часть концептосферы образованных носителей языка

Рассматривая британский вариант английского языка в синхронии, мы говорим о литературном каноне новоанглийского языка, т. е. о совокупности литературных произведений, созданных на Британских островах на более или менее стандартизированном языке с XVI века по настоящее время. Период достаточно продолжителен, однако на его протяжении наблюдается существенная преемственность признаков, метафор, фреймов и сценариев, использовавшихся представителями английского социума при структурировании действительности, а также языковых средств их выражения.

К критериям каноничности литературного произведения относятся следование автором традиции и противодействие ей, абсолютная вневременная эстетическая ценность произведения, не сводимая к идеологии; канонический текст не может быть инструментом насаждения общественной морали.

Литературный канон – это идеальный аппроксимирующий конструктор или значение, которое никогда не достигается. В связи с реконструкцией канона в другой культуре возникает ряд трудностей, которые ведут к асинхронности восприятия исходной культуры и ее ключевых текстов представителями культуры принимающей.

Лондон как сакральный объект, обладающий аксиологической сверхценностью, настоятельно имплицитно описывает свои собственные описания, зачастую ограничивая авторскую свободу выбора. То же имеем на уровне восприятия: в любом месте такого огромного и многообразного мегаполиса, как Лондон, он остается узнаваемым по каким-то невидимым вехам, изотопическим признакам – он все равно «прочитывается» как Лондон благодаря некоторой сквозной бытийной метафоре. В этом смысле мы можем говорить о кросс-темпоральности и кросс-жанровости лондонского текста, который, соответственно, рассматривается

преимущественно с позиций синхронии (т. е. в совокупности признаков, характеризующих его на настоящий момент) или панхронии (как вместилище всех эпох и соответствующих жанров).

Связность лондонского текста обеспечивается единым «лондонским словарем», которым задается лексическая и предметно-качественная парадигма текста. Это лексема «London», производные от нее образования («Londonian», «Londoneuse», «Londonesque», «Londonism», «Londonize» и т. д.); корпус устойчивых речений (напр.: «A London jury: hang half and save half») и словосочетаний различной степени связности (напр.: «Greater London», «London speech», «London particular»); лексические репрезентации семем, входящие в таксемы //urban area// и //capital city//; лондонские топонимы. Вербализации лондонского текста в топонимах следует считать вербализациями его различных признаков, которые влекут за собой цепочки ассоциаций.

В современной концепции лондонского времени главенствующими являются мотивы повторения, отражения, воспроизведения и блуждания по различным временным эпохам. Настоящее может отсылать к прошлому, но ни о какой приоритетности настоящего речи не идет. В рамках восприятия конкретного субъекта прошлое может оказаться более реальным, чем настоящее, и человек с точки зрения своих ценностных установок сам выбирает, в какой плоскости и в какой последовательности ему «читать» современный город. Соответственно, исчезает однонаправленность вектора времени, уступая место свободному ориентированию во времени как в пространстве и взаимопроникновению эпох. В рамках выдвинутой таким образом концепции постоянного присутствия прошлого время и история становятся открытым пространством для бесконечных трансформаций.

Структура лондонского текста гетерогенна и полярна, что связано с тем, что при концептуализации одного и того же объекта актуализуются различные его свойства в зависимости от прагматического отношения к нему. В этом состоит вероятностный характер лондонского текста. Тот факт, что у одного объекта актуализуются различные свойства, с одной стороны, позволяет обозначать его разными лексемами, а с другой – в одной и той же семеме, его обозначающей, актуализуются разные семы, отражающие те свойства объекта, которые в данном случае выступают на передний план.

В **Главе 3 «Когнитивные и семиотические модели представления знания»** рассматриваются модели, используемые в когнитивистике и семиотике для репрезентации и упорядочения знания о фрагменте действительности. Принципы построения и элементы этих моделей используются в интегративной модели лондонского текста английской лингвокультуры. Это возможно благодаря тому, что когнитивные и семиотические модели представления знания в лингвистике соотносимы друг с другом, что закономерно, поскольку человеческое мышление является по своей природе знаковым. Язык – это одновременно и система знаков, которые замещают реальные и идеальные предметы речи (область семиотики), и система символов, за которыми стоит духовный опыт людей (область когнитивной лингвистики).

Язык не самодостаточен, и его нельзя объективно описать без обращения к когнитивным процессам. Языковые же формы есть не что иное, как внешние манифестации сложной системы ментальных структур, которые стоят за ними; основной из этих структур традиционно считается концепт.

Концепты могут быть вербализованы, при этом значением языковой единицы передается лишь часть концептуальных признаков. Концепт инкорпорирует понятие о предмете или явлении, его чувственный образ, оценочно-прагматическую значимость и имплицативный потенциал.

Необходимо разграничивать концептуальное содержание и значение лексической единицы: концепт – это единица когнитивно-концептуального уровня, которая включает в себя ментальные признаки некоторого предмета или явления; значение же – это единица семантического уровня языка или элемент его системы значений, связанный с функционированием конкретной звуковой оболочки.

Концепт следует рассматривать не только с позиций заключенной в нем когнитивной информации, но и в качестве единицы культуры; это многомерное вербально-невербальное образование, встроенное в систему человеческого опыта; он существует в культурном пространстве. Под культурным пространством применительно к лингвистике понимается этноспецифическое восприятие действительности, определяющее способы и средства языкового выражения, – своего рода глобальный ассумптивный универсум народности с соответствующим набором ценностных установок, существующий на конкретном историческом отрезке.

Вербальные репрезентации культурно значимых концептов, которые служат их именами, будут ключевыми словами данного языка и данной культуры; вокруг этих слов организованы целые культурные области. Следствием наличия культурно-ценностного компонента в структуре концепта является его вербализация большим числом синонимов, дефиниций и текстовых описаний, устойчивых речений.

В качестве всеобъемлющей макровербализации концепта, являющегося культурной константой или категорией культуры, рассматривается свертхтекст, получающийся в результате сближения текстов исследуемой смысловой сферы, т.е. текстов, в которых наличествуют вербализации данного концепта.

У концепта отсутствует четкая организация: в конкретной коммуникативной ситуации любой признак может актуализоваться или нейтрализоваться. Концепт имеет лишь диффузные границы и характеризуется непоследовательностью «прочтения» и способностью отсылать к бесконечному числу других концептов.

Концепт распределяется по когнитивным парадигмам, которые актуализируются в контексте с привлечением описывающих их фоновых / энциклопедических знаний. В зависимости от включения концепта в конкретную когнитивную структуру в процессе мышления будут актуализироваться его различные уровни; тот минимальный когнитивный контекст, который нужен для актуализации некоторого концептуального содержания, образует фрейм; им имплицитно сложная ситуация и описывается все, что для нее типично и

существенно; это культурно-специфическая единица, которая включает информацию о том, что в данной культуре является стереотипным.

Концепт как культурная константа или категория культуры характеризуется калейдоскопичностью, обладает вероятностной, потенциально актуализуемой структурой.

Не все признаки, которые входят в состав концепта, будут истинными с точки зрения референции к реальной «онтологической» действительности.

Межконцептуальные и межуровневые концептуальные связи выявляются с помощью анализа функционирования метафоры, которую следует понимать не в качестве образного средства, которым связываются два значения слова, а в качестве основной ментальной операции, объединяющей две понятийные сферы.

Альтернативные описания метафорического переноса предполагают выделение фреймовых конструкций более высокого уровня обобщения, чем соотносимые понятийные области (в частности, теория концептуального слияния Ж. Фоконье и М. Тернера).

Поскольку метафора обеспечивает перенос значения и формирование концептуальных признаков, она может и должна быть объяснена семантически в терминах актуализации / нейтрализации сем и построения изотопий.

Концепт является абстрактной, ненаблюдаемой структурой. Первейшая же феноменологическая языковая данность имеет форму текста, и именно она должна служить исходным лингвистическим материалом для дальнейшего анализа. Текст – это первичная реальность всего гуманитарно-филологического мышления. Описание языка, таким образом, должно происходить в направлении от текста к системе, т. е. от синтагматических характеристик языковых единиц, которые наблюдаемы непосредственно, к постижению их парадигматических связей.

Таким образом, на реализацию значений и на синтаксические построения в существенной степени влияет интеграционное окружение и различные сложные сверхструктуры.

Текст может соответствовать критерию воспроизводимости, необходимому для его выделения в качестве языковой единицы, текстемы: воссоздается не какая-то конкретная оболочка (хотя это тоже может иметь место), а общая семантическая структура. Текстема – это эмический текст, являющий собой семантический инвариант для группы текстов сходной тематики. Культура при таком подходе понимается как система сверхтекстов и описывается как набор функций, которые обслуживаются текстами.

Текстема разворачивается, как предложение в генеративной грамматике, с прохождением иерархии уровней: от исходной абстракции до конкретной реализации. При этом цель текстовой типологии заключается в конструировании текстом, идеальных текстотипов, или сверхтекстов на основе их семантических признаков.

Выделение текстом основывается на суперсегментности текстовых характеристик (в первую очередь, смысловых), которые распространяются на последовательности элементов разной протяженности.

Текст без сверхструктуры не будет осмысленным, поскольку не будет соотноситься со структурированной концептосферой социума. Безусловно, на

уровне когниции мы мыслим не разрозненными концептами, а ситуационными фреймами и динамическими сценариями, а на семантическом уровне – соединениями смыслов в пропозиции и пропозициональными макроблоками.

Текстема – это наиболее общая, «нефокализованная» тема; ее реализации будут иметь различные фокусы за счет предикации конкретных признаков из общего набора и реализации суперсегментных текстовых характеристик: выбор грамматических, лексических и стилистических средств, установление тематических отношений и т. д. Перемена фокуса происходит одновременно со сменой возможного мира, в котором происходят факты, задаваемые темой.

Дискурс в исследовании понимается как наиболее общая стратегия текстемных развертываний в реальные тексты. Он во многом отождествляется с семиотическим процессом.

В иерархии смыслов самые глубинные семантические слои соответствуют макросинтагматическим единицам и являются основой, на которой устанавливаются изотопии сверхтекстов. Более поверхностные слои конкретизируют содержание и расчлняют сверхтекст на менее крупные синтагматические единицы, заканчивая конечными сочетаниями семем. Изучение данного процесса в обратной последовательности позволяет семантически реконструировать сверхтекстовые построения.

В **Главе 4 «Методика лингвистического описания лондонского текста»** излагается метод лингвистического описания лондонского текста, базирующийся на интегрированном когнитивно-семиотическом подходе, в соответствии с которым анализ социально значимых ментальных сущностей осуществляется через семантическое исследование соответствующих им текстов.

При исследовании текстов заданной смысловой сферы, т. е. текстов, в которых наличествуют вербализации конкретного концепта, выделяются их семантические признаки, образуется теоретико-множественная сумма признаков в совокупности их взаимоотношений и на этой основе конструируется семантический каркас сверхтекста как глобальной вербализации концепта. При этом важна ориентация на литературные тексты, поскольку в них актуализируется больше признаков по сравнению с бесконтекстными вербализациями.

Реконструкция лондонского текста как сверхтекста английской культуры осуществляется на базе интерпретирующего семного анализа, который оперирует единицами плана содержания меньше морфемы. При этом данные компоненты являются не частью словарного состава языка, а теоретическими построениями, подходящими для описания семантических отношений между языковыми единицами (подобно представлению фонемы в виде пучка различительных признаков в фонологическом анализе).

В основе семного анализа лежит структурализм, основывающийся на понимании языка как знаковой системы с четко вычлняемыми структурными элементами. В семиотической перспективе семный анализ предлагает четкие металингвистические механизмы, которыми описывается пошаговый переход от содержания абстрактного к конкретному. Он также является синтагматическим, позволяя переходить с уровня отдельной лексемы на уровень сверхтекстов; кроме



того, он учитывает множество разных семиотик, отраженных в естественном языке.

При таком подходе семиотика рассматривается как сфера разработки процедур, создания моделирующих конструкторов и систем репрезентации. Более того, в задачи семиотики входит эксплицирование посредством аксиоматики оснований для конкретного теоретического конструктора

Семный анализ придерживается строго дифференциальной модели значения. В его рамках полагается, что семы не минимальны, не малочисленны, не универсальны, не связаны напрямую с референцией и не составляют часть понятия.

В рамках наиболее общего метода семного анализа исследование следует положениям единой семантики Ф. Растье, которая обеспечивает следующее: семиотически объединенное рассмотрение лексического, синтаксического и текстуального уровней; уточнение отношений семантики и когнитивистики в целях определения специфики лингвистического значения в отношении ментального концепта; преодоление противоречий семантики и прагматики; учет при интерпретации всех системных уровней (функциональную систему языка и совокупность социальных и идиолектных норм).

Ф. Растье учитывает в семном анализе прагматические факторы: отношения между семемами, через которые определяются семы, детерминируются не только лингвистическим, но и ситуационным контекстом, а прагматическая информация может быть условием выделения сем. В семном анализе полагается, что мир не дан человеку непосредственно в восприятии, а интерпретируется им в зависимости от установок так, что один и тот же объект может получать различную интерпретацию в контексте одной или разных ситуаций.

Семантическую реконструкцию лондонского текста, т. е. составление потенциальной суммы признаков, ему присущих, представляется целесообразным проводить через исследование семантических классов, соотносящихся по одной или нескольким общим семам с семемой 'London' (она вербально репрезентируется лексемой-именем текста).

Предлагаемый механизм семного анализа позволяет при описании свертхтекстов эффективно переосмыслить весьма неоднозначное понятие коннотации. В рамках семного анализа полагается, что семы не зависят от понятия денотации: в денотативном отношении, которым семема связывается с означающим, сема указывает не на отношение между единицей выражения и единицей содержания, а на отношение между семемами, которое присуще, по определению, плану содержания.

Семантические классы, на основе которых описывается лондонский текст, могут строиться (i) на основе онтологических таксономий; (ii) на основе социолектных норм; (iii) на основе идиолектного постижения действительности. Мы начинаем с онтологических таксономий, но это всего лишь вопрос последовательности: при описании лондонского текста должны быть учтены все системы. Онтологические, «объективные» категории служат фоном, на котором выделяются специфические признаки категорий «субъективных».

Семы, выявляемые в ходе семного анализа, отождествляются с признаками лондонского текста (и признаками одноименного концепта на когнитивно-концептуальном уровне), а семемы – с текстовыми слоями.

Отбор интерпретирующих семем осуществляется на основе конкретных реализаций лондонского текста, то есть в плане выражения анализируются отношения исследуемой лексемы к другим лексемам, связанным с ней парадигматически или синтагматически.

При этом выявляются достаточно регулярные статические и динамические семантические отношения между семемами и их классами, которые значимы для корпуса текстов, служащих реализациями исследуемого сверхтекста. Кроме того, у членов последовательности связного текста устанавливаются ключевые семантические изотопии (т. е. синтагматические рекурренции одной и той же семы) или, другими словами, определяется наличие семантически близких элементов. На языковом уровне они позволяют осуществить единообразное прочтение лондонского текста, а на уровне когнитивно-концептуальном они как бы «скрепляют» одноименный концепт, несмотря на его изначально диффузный характер.

Интерпретирующий семный анализ позволяет «вскрыть» изотопический механизм действия метафоры, описывая его как рекурренцию сем (ингерентных или афферентных), принадлежащих семемам разных таксем, что объясняет связность метафоры, которая в противном случае представляла бы явление, нарушающее законы логики.

Семный анализ отказывается от ядерных и периферийных признаков, поскольку считается, что в зависимости от контекста любой семантический компонент и соответствующий ему концептуальный признак может выходить на передний план, актуализироваться, или нейтрализоваться.

Таким образом, имеем циклический характер описания лондонского текста: от ингерентных признаков репрезентирующих его семем к его контекстным реализациям, в которых, в свою очередь, актуализуются афферентные признаки семем, в результате чего сверхтекст «прирастает» новыми признаками. Семемы предвосхищают контекст, а контекст актуализует их имплицитное содержание.

Данный подход постулирует необходимость привлечения затекстовых энциклопедических знаний для описания семем, что подтверждает включенность стоящих за ними концептов в парадигмы знания о мире и соотнобразуется с положениями когнитивной семантики, отличительной особенностью которой является выход за пределы собственно языковых явлений и обращение к знаниям неязыкового характера.

Объяснить отдельные компоненты лондонского текста имманентными языковыми законами невозможно, поскольку сверхтексты лингвокультуры как обеспечиваются, так и ограничиваются строением человеческой памяти, воображением, принятыми в обществе нормами и общими принципами постижения мира.

В **Главе 5 «Семантическая реконструкция лондонского текста»** представлена смысловая репрезентация объекта настоящего исследования, осуществляемая на основе интерпретирующего семного анализа. Лондонский

текст является сложным языковым построением, в котором проявляются взаимопереходы и взаимообусловленность признаков, образующих различные сверхтексты. Эти признаки входят в состав ряда семем, которые, в свою очередь, включены в состав различных таксем. Таким образом, имя «London» не является единственным «ключом», активирующим в языке лондонский текст, а в сознании – соответствующую мыслительную сущность, концепт. Так, помимо лексемы «London», лондонский текст реализуется в построениях, включающих лексические репрезентации семем, которые входят в таксем //urban area// и //capital city// ('town', 'borough', 'city', 'emporium', 'cosmopolis', 'metropolis', 'agglomeration', 'conglomeration', 'conurbation', 'sprawl', 'megalopolis', 'capital'). Это обуславливается тем, что сверхтекст как языковое построение подчинен когнитивным процессам категоризации и упорядочения в таксономию, которые оказывают влияние на его конкретные реализации.

На когнитивно-концептуальном уровне перечисленные реализации обусловлены включением концепта «Лондон» во фреймовые схемы высокого уровня обобщения «urban area» и «capital city».

Лондонский текст структурирован вокруг оппозиций «urban – rural» и «urban – suburban». При анализе данных оппозиций выделяется набор афферентных социально-нормированных и идиолектных признаков, характеризующих Лондон как урбанизированную область, город, столицу.

Приведенные значения английских семем, описывающих различные типы урбанизированного пространства, содержат потенциальные афферентные семы, которые формируются модальной рамкой, социальной нормой, прагматической установкой, эмоциональной составляющей и т. п. Так, например, образ жизни лондонцев может быть рассмотрен как позитивно (модальная рамка одобрения, поощрения, превосходства, восхищения, желательности и т. д.), так и негативно (модальная рамка ущерба, неодобрения, страха и т. д.). Городская жизнь может обеспечивать доступ к глобальному культурно-информационному пространству, но в то же время может означать суету, спешку, поверхностность в общении, отчужденность, отсутствие целей и пр. Город обладает определенным настроением, которое характерно для его жителей. Оно складывается из темперамента этноса, его культуры, месторасположения города, погодных условий (например, атмосфера тоски в Лондоне, обусловленная постоянными туманами и дождями) и ряда других факторов.

Поскольку афферентные семы, входящие в состав семем, которые репрезентируют лондонский текст, актуализуются в его конкретных манифестациях, для построения его адекватной семантической модели необходимо привлекать литературные, публицистические и энциклопедические тексты. Любая семема может быть по-разному интерпретирована в зависимости от конкретного контекста. Соответственно, в данной главе исследования анализируются развернутые цитаты, в которых представлены не только атрибуты города, но и развернутые картины, впечатления, ситуации, позволяющие выделить более полный набор признаков, формирующих лондонский текст.

В ходе анализа был выявлен ряд когнитивных метафор, за счет действия которых в состав лондонского текста привносятся дополнительные признаки. К

ним относятся метафоры, характеризующие Лондон как великий город: Лондон-Вавилон, -Иерусалим, -Помпеи, -античный Рим; как уродливо, болезненно разросшийся город: Лондон-нарост / опухоль; как враждебное человеку пространство с позиций идиолектной оценочности: Лондон-болото, -пустыня / бесплодная земля, -тюрьма, -могила, -ад; как средоточие финансовых спекуляций: Лондон-храм Маммоны; как благоприятное для жизни пространство: Лондон-театр, -магазин, Лондон-чудо, -рай / Аркадия.

Динамические структуры в составе лондонского текста представлены следующими сценариями: Лондон в качестве агенса – поглощение периферийных поселений, включение их в орбиту мегаполиса, а также разрушение сельского, неурбанизированного пространства (что может описываться в терминах колонизации территории); Лондон в качестве пациенса – исследование пространства Лондона, его покорение / присвоение; прочтение Лондона как текста.

Проведенный в данной главе анализ позволил выделить шесть составляющих лондонского текста.

1. Лондон-как-топос – некоторым образом организованное урбанистическое пространство (таксема //urban area//): здания и сооружения, геометрия застройки, топография улиц и площадей и т. п. Пространство Лондона рассматривалось с двух позиций прагматической оценочности: как благоприятное и как враждебное для человека (что позволило продемонстрировать дуальный характер текста британской столицы). Именно с позиции топоса воспринимается город в нашем повседневном сознании: элементы пространства создают его внешний облик и во многом определяют его место в аксиологической системе социума.

2. Лондон-как-семиотическое пространство: город имеет дискурсивную природу – как локус необыкновенно интенсивного общения и обмена, продукты которых сохраняются и воспроизводятся в зданиях, памятниках, названиях, хрониках, городском фольклоре. Городская жизнь – многослойное хранилище кодов, отработанных и все еще функционирующих, сосуществование эвоцируемого прошлого и творимого будущего. С этой точки зрения Лондон может рассматриваться как семиотический континуум, как книга, открытая для интерпретации.

3. Лондон-как-общество – персонифицированный Лондон (в результате перезаписи таксемы //urban area// по метонимическому переносу): проживающие в нем люди с их особыми манерами, характером, менталитетом.

4. Лондон-как-организм: метафора «общество-как-организм» в проекции на Лондон-как-общество.

5. Лондон-как-миф – тот образ Лондона, каким он представляется в сознании носителей английского языка: типичные примеры, стереотипы или идеальные образы (столица столиц, исторически первый мегаполис, важнейшая составляющая английскости, воплощение всей Великобритании и модель общеанглийских процессов), а также ложные образы Лондона, формирующиеся у иностранцев (заблуждения, объясняющиеся асинхронностью формирования концепта: Лондон как пространство, населенное идеальными английскими джентльменами и леди, реальность Лондона Диккенса, сожаления об ушедшей

эпохе викторианства и Британской империи и т. п.). Обладая практической и эмоциональной важностью для индивида, такие образы служат «системой координат», организующей деятельность, представления или знания.

6. Лондон-как-мир: фундаментальная метафора «город-как-мир» на примере Лондона.

В Главе 6 «Имя «London» как основная реализация лондонского текста» приводится лингвистический анализ лексемы «London», синтагматические построения с участием которой следует рассматривать как основные реализации лондонского текста. Под такой реализацией понимается актуализация в речи, т. е. в конкретном синтагматическом построении, набора наиболее частотных, «ядерных» текстовых признаков, которые совокупно осознаются социумом. При этом основные реализации строятся по вполне стандартным правилам: в частности, лексема, называющая сверхтекст, присоединяет конкретный набор предикатов.

Выявляется этимология лексемы «London» и рассматриваются производные от нее лексемы, а также корпус устойчивых словосочетаний и устойчивых речений с ее участием. Кроме того, анализируются ключевые метафоры, участвующие в формировании лондонского текста и, соответственно, обосновывается возможность сочетания семемы 'London' с предикатами и атрибутами, содержащими нехарактерные для нее семы.

Традиционно считается, что слово «London» восходит к кельтскому *Llyndūn* «крепость у реки», отсюда латинское «Londinium» > англ. «London». Современные исследователи, однако, склонны полагать, что слово «Лондон» происходит от докельтского корня с добавлением кельтского суффикса, указывающего на расположение города в низовье Темзы (ниже места последнего брода в Вестминстере) и означающего «место на судоходной реке» или «место на реке, которую нельзя перейти вброд». Существуют и другие версии происхождения имени «London», однако они не могут считаться удовлетворительными со строго лингвистической точки зрения. Необходимость выявления этимологии слова, являющегося именем сверхтекста, объясняется тем, что в сверхтексте синхронное, относительно стабильное содержание невозможно отделить от его «памяти», то есть динамического процесса возникновения словесной формы, которая служит его именем и основной реализацией и в которой заключается изначально данный в сверхтексте смысл.

За счет анализа производных слов от имени «London» (всего 8 + производное прилагательное от основы названия Лондона на латыни + производное существительное от производного глагола «Londonize») был обеспечен более полный доступ к структурным составляющим рассматриваемого сверхтекста. При рассмотрении каждой производной единицы учитывались две семемы – основы и аффикса – с соответствующим набором ингерентных и афферентных сем. Было установлено, что семантика производного слова в значительной мере зависит от конкретной реализации сверхтекста, в которую они входят: например, 'Londoner': |an inhabitant of London| vs. |a ship belonging to London|. При этом многие из производных слов имеют статус редких или окказиональных образований (например, «Londonesque» и «Londonization»). На когнитивно-концептуальном

уровне основа, выражаемая семемой 'London', обеспечивает конкретное концептуальное наполнение общему фреймовому или схематическому действию или явлению, выражаемому семемой аффикса. Например, суффикс '-ize', выражающий фреймовое действие «делать похожим на что-либо, придавать характеристики чего-либо» конкретизируется за счет основы 'London'; в результате имеем: 'Londonize': |делать соответствующим Лондону|.

Устойчивые словосочетания (всего 114) и речения (15) со словом «London» рассматривались как реализации различных признаков исследуемого сверхтекста, служащие основанием для его включенности в межтекстовые парадигмы. В этих словосочетаниях отражены устойчивые предметные отношения, являющиеся типичными в условиях данной цивилизации (например, словосочетания, описывающие различные лондонские учреждения, институты и структуры; словосочетания, относящиеся к экономической или коммерческой тематике). Среди устойчивых сочетаний были выделены составные номинации без идиоматической силы (75), связные термины без идиоматической силы (25) и фразеологические единицы различной степени идиоматичности (14).

Устойчивые речения рассматривались как своего рода дидактический материал, позволяющий проследить исторические вехи формирования исследуемого сверхтекста и свидетельствующий о высокой степени употребительности, «ангажированности» имени «London». Некоторую противоречивость или неожиданность речений, реализующих в речи нечастотные, «периферийные» признаки сверхтекста, можно объяснить тем, что в их контексте происходит актуализация различных афферентных идиолектных сем, которые могут не соотноситься с инвариантным набором текстовых признаков, осознаваемых социумом в их совокупности.

Выделение ключевых метафор в формировании лондонского текста позволило актуализовать его неочевидные измерения: представление сущности города как организма (в частности, антропоморфного), души, текста и мира, вселенной.

Один из самых распространенных видов метафорического переноса заключается в приравнивании неодушевленного предмета или явления к человеческому существу (антропоморфизм), а также смежное с этим уподобление такой сущности одушевленному агенту (анимизм). В соответствии с этой глобальной онтологической метафорой ментальная сущность «London» и соответствующий ей текст структурируется как организм и может наделяться такими сугубо человеческими характеристиками, как воля, стремление к достижению конкретной цели, психическое состояние, чувство, страдание и пр. Действительно, представление о человеке выступает для многих языковых явлений в качестве естественной точки отсчета.

При этом, чтобы интерпретировать метафорические выражения типа «London mourns», где предикат присоединяется к объекту, входящему в другой семантический класс (//одушевленный// vs. //неодушевленный//, //человек// vs. //город//), необходимо, в первую очередь, «погасить», нейтрализовать несовместимые признаки и далее актуализировать признаки общие, т. е. обеспечить изотопичность прочтения.

Представляется, что метафору текста, участвующую в построении лондонского текста, можно отнести к корневым метафорам, поскольку она устанавливает рамки дискурса о мире и задает методiku его описания – в терминах грамматики, синтаксиса, элементов, обеспечивающих текстовую когезию; в терминах интертекстуальности, парадигматического прочтения, множественности толкований и т. п. С «прочтением» Лондона как текста связаны сценарии его «внутритекстовой» и «затекстовой» интерпретации (с привлечением иных культурных кодов и информации предшествующих эпох); сценарии топографического и смыслового блуждания и, наконец, сценарии освоения пространства как постижения текстового смысла. Наборами сценарийных признаков со стандартными стратегиями их реализации описывается динамическая составляющая лондонского текста. Сочетаемость семемы 'London' с предикатами и атрибутами, содержащими в качестве ингерентной сему /reading/ оказывается возможной за счет актуализации в ней афферентного признака /semiotic system/ и нейтрализации родового ингерентного признака /city/.

К онтологическим метафорам также можно отнести метафору «Лондон-как-мир», поскольку человеку свойственно представлять значимые элементы реального мира (точнее, его отражения) в виде моделей общемировых процессов. Значимость Лондона объясняется его масштабом и многообразием, ценностным наполнением для представителей английского социума, сложностью образующих его кодов. Лондон, таким образом, становится воплощением современности, всех времен и человеческого бытия вообще. Метафора «Лондон-как-мир», таким образом, обладает большой аксиологической силой, поскольку в ней заложено противопоставление упорядоченности Лондона-мира хаосу. Определяющий термин метафоры, несомненно, находится на более высокой отметке ценностной шкалы относительно определяемого термина, а самой метафорой описывается важный аксиологический компонент в составе лондонского текста.

В Главе 7 «Субтексты и варианты лондонского текста» рассматриваются субтексты в составе Лондонского текста, т. е. более узкие тематические единства, связанные общей пропозициональной установкой, а также варианты лондонского текста, сформированные у представителей неанглийской культуры.

В качестве субтекста в составе сверткста может, в частности, рассматриваться неязыковая знаковая последовательность. Это связано с тем, что языковые средства выражают с помощью своих значений лишь часть некоторой ментальной категории; в рамках общей семиотики понятие «чтения» применяется для описания взаимодействия с самыми различными знаковыми системами; широкое семиотическое понятие текста включает, помимо вербального текста, поведенческий, мифо-ритуальный, визуальный, звуковой и другие тексты.

Соответственно, был выделен звуковой субтекст лондонского текста в вербальном выражении через семантическое описание музыкальной и шумовой составляющих британской столицы.

В описаниях разновидностей шума как неотъемлемой характеристики Лондона находим манифестации различных признаков лондонского текста: «неоднородность», «множественный характер», «постоянная деятельность», «кипящая жизнь», реализация метафоры «Лондон-живое существо». При этом

фиксируется различная оценочность (негативная – при реализации следующих компонентов: «враждебное пространство», «бездушная сила», «ужас», «диссонанс», «какофония», «отчаяние»; позитивная – при реализации таких компонентов, как «благоприятное пространство», «величие», «гармоничность», «мелодичность»).

Многие из лондонских шумов ушли в прошлое, поэтому в составе лондонского текста общий признак «шум» частично виртуализовался, т. е. перестал быть значимым для части лингвокультурного сообщества.

Слуховые образы-лейтмотивы выступают в роли смысловых «стяжек», скрепляющих дискретную структуру лондонского текста, и обретают метафорический, символический смысл, что было проиллюстрировано на примере конкретных реализаций лондонского текста (произведения В. Вулф).

В английской литературной традиции Лондон часто постигается и реализуется как крайне запутанное пространство, лабиринт. Тем не менее, британская столица представлена как упорядоченное, геометрически организованное пространство в вортицизме, одном из течений английского авангарда начала XX в. Для его последователей Лондон как современный город выполняет функцию стабилизационного центра в вихре действительности. Вортицисты рассматривали искусство в лондонской перспективе, а подход к всемирной культуре и истории был ими намеренно субъективирован и сделан исключительно «лондонским». Таким образом, наблюдается актуализация идиолектных компонентов в составе изучаемого сверхтекста, например, противопоставление холодных и строгих лондонских зданий и улиц шуму и толкотне людского потока, темпераментной толпе.

В концепции вортицизма лондонский текст строится по принципу интерсемиотичности, являя собой единство вербального и визуального. Зрительный образ при этом рассматривается как текст на особом языке, в основе которого, в отличие от условных знаков языка словесного искусства, лежат знаки иконические, изобразительные. Лондонский текст, таким образом, подлежит изучению с позиции множества формирующих его кодов, а в его составе наличествуют смысловые компоненты, формируемые невербально. Учет таких кодов при анализе позволяет «примирить» «чистое языкознание» с литературоведением и «вторичными» моделирующими системами.

Формирование сверхтекстов культуры у ее представителей и у носителей других культур всегда протекает асинхронно, что ведет к формированию ложных стереотипов и мифов об исходной культуре у представителей других национальностей и вызывает трудности при переводе с одного языка на другой. Это, в частности, связано с тем, что перевод письменных источников, необходимых для формирования литературного канона и конструируемых на его основе сверхтекстов, требует времени, и нельзя быть уверенным, что переведенные источники получат такое же распространение в принимающей культуре.

Тем не менее, сверхтексты иной культуры все же постижимы, существуют лишь некоторые сложности в их реконструкции, которая осуществляется через



позтапное освоение иностранных литературных традиций и художественных моделей.

Стереотипизированное восприятие Лондона, чрезмерную романтизацию «великого города империи» находим, например, в произведениях писателей-постколониалистов, чьи герои придерживаются устаревшего культурного кода.

Мифологизированные представления о жителях Лондонца, сформированные у представителей других культур – это гетеростереотип, который характеризует не столько референт этнонима, ассоциируемого со стереотипом, сколько его создателя и пользователя.

Неправильные представления о Лондоне, вызванные задержкой в формировании лондонского текста у представителей других культур, ведут к ложному пониманию английскости, которая в узком смысле подразумевает культурную жизнь Лондона и окрестных городов.

Были выделены стереотипные признаки, часто характеризующие Лондон в сознании «неангличан» и входящие в лондонский текст неанглийских литератур: «triumphant», «imperial», «industrial», «haughty», «hierarchical», «gentlemen's society», «bastion of financial power», «foggy», «rainy». Перечисленные компоненты смысла, как правило, характеризуют неискушенное, наивное восприятие. В лондонском же тексте английской литературы их следует считать обнуленными или замещенными следующими компонентами: «non-triumphant», «unsmart», «(elegantly) shabby», «post-imperial», «post-colonial», «post-industrial», «egalitarian», «multicultural», «tolerant society».

При реконструкции лондонского текста на основе «экскурсионного» подхода актуализуется мотив познания или исследования, когда наиболее общая семантическая репрезентация британской столицы формируется на основе актуализации компонентов смысла, связанных с ее отдельными районами, улицами, домами, садами и парками.

Топонимы рассматриваются как прецедентные имена, т. е. имена, характеризующиеся массовой воспроизводимостью и влекущие за собой цепочки ассоциаций. Они отсылают читателя к глобальному сверткесту английской культуры, к лондонскому тексту и к идиолектному субтексту конкретного писателя в его составе.

В контексте творчества конкретного писателя топография Лондона обретает новое «наполнение»: топонимы приобретают новые созначения, т. е. ассоциативные ряды, которые могут ими эвоцироваться, расширяются, а лондонский текст, соответственно, приобретает новые признаки. С другой стороны, понимание произведений писателя как реализаций сверткеста будет неполным без изучения их топографии, поскольку топонимы служат организационными центрами основных сюжетных событий литературного произведения и определяют его художественное единство в отношении к реальной действительности.

Приращение смысла лондонских топонимов в литературе свидетельствует о принципиальной установке лондонского текста на отсылку, прецедент, на создание сложных композиций по типу коллажа и трактовку литературных персонажей наряду с реальными лицами. Так, лондонская топография персонажей

В. Вулф во многом совпадает с маршрутами, по которым она ходила сама как реальное историческое лицо. Соответственно, вымышленные ею герои и их состояния так же приемлемы и «реальны» для лондонского текста, как и «бытийные» факты.

При структурировании урбанизированного пространства с позиций психологической географии Лондон оказывается сотканным из индивидуальных впечатлений индивидов, которые они получают в ходе прогулок по столице. Коллективная ментальная репрезентация города, таким образом, оказывается ассоциативной и фрагментарной, но в то же время динамической; в состав же лондонского текста привносятся идиолектные признаки, и формируются принципиально новые стратегии его развертывания в реальные тексты.

Психологическая география Лондона связана с антропологическим, поэтическим и мифологическим переживанием его пространства. Опыт подобного переживания представлен в романе современного английского писателя М. Муркока «Лондон, любовь моя» (1988). Автор однозначно предпочитает бездушной карте реальный городской пейзаж, а общему схематизирующему представлению о Лондоне – разрозненные впечатления его жителей, пешеходов. В результате в романе актуализуется альтернативная, динамическая модель реализации городского текста, приоритет в которой отдается мифологическому, подсознательному, глубинному.

Тем не менее, субъективные аспекты в романе переплетаются с объективными, а психологическое – с материальным. Из свободных «хождений» и фрагментарных впечатлений людей вырисовывается упорядоченная структура маршрутов – предпочитаемых и нежелательных, путей больших надежд и отчаяния. Город предстает как когнитивная карта коллективного сознания. Более того, эти маршруты таят в себе скрытую историю Лондона, и из них складывается его неофициальная культура.

Лондон предстает как палимпсест различных эпох, а архитектура, ритуалы и многое другое, что остается от прошлого, обнаруживают себя как скрытые программы, которые позволяют непрерывно воспроизводить тексты истории. Британская столица выступает в качестве механизма, который постоянно порождает свое собственное прошлое так, что оно оказывается одновременно с настоящим и сопоставимо с ним.

Для реконструкции лондонского текста неважно, соответствует ли такой Лондон объективной «онтологической» реальности; скорее, важно, что он ей не соответствует и творится заново. В романе мы сталкиваемся с индивидуальной концептуализацией реального мира и ее вербализацией в идиолектном субтексте.

Материал о литературной жизни Лондона во времена О. Уайльда относится не столько к творчеству данного писателя, сколько к литературным особенностям поздневикторианской эпохи, рассматриваемым, тем не менее, сквозь призму его незаурядной личности. В соответствующем разделе, таким образом, реализуется темпорально ограниченный – поздневикторианский – литературный субтекст из состава лондонского текста.

Хотя царствование королевы Виктории, воплощавшей незыблемую добродетель, продлилось до января 1901 г. и хотя его последние годы стали

апогеем славы и величия Британской империи, викторианские ценности, убеждения и социальные конвенции стали активно оспариваться новым поколением писателей-интеллектуалов. Литература последних двадцати лет XIX века, безусловно, характеризуется полифоничностью, но ее «цементирует» стремление пересмотреть литературные предпосылки 1850 и 60-х годов и выработать новые критерии, основанные на освобождении личности и эволюционном развитии общества. Если авторы первых двух третей XIX века только еще пытались постичь в своем творчестве крайне усложнившуюся жизнь во всем многообразии ее проявлений, найти в нем место для множества противоречивых убеждений и доктрин, то их коллеги конца века критически пересматривают эти идеи и ищут параллели в современной научной мысли, которая служит для них источником вдохновения.

Поздние викторианцы отчетливо ощущают то, как они непохожи на предыдущие поколения. Словом «новый» демонстративно обозначается практически все, о чем пишут в литературных журналах: «новый дух», «новый юмор», «новый реализм», «новый гедонизм», «новый юнионизм», «новая драма» и «новые женщины». В то же время это были остроумные и изящные попытки вылечить общество от самодовольства, лицемерия и помпезности высокого викторианства.

В литературе конца XIX в. возникает новое отношение к Лондону и городу как таковому. В 1890-е годы Лондон и все искусственно созданное человеком получило у художников слова особый романтический ореол. Хотя поэты и не перестали писать на пасторальные темы, они нашли новый источник вдохновения в урбанистическом пейзаже: на улицах и площадях, в театрах и мюзик-холлах, в каменной кладке домов и плитах мостовой.

Само по себе восхищение Лондоном не было чем-то новым. Но впервые к нему добавилось преклонение перед прогрессом, техническим гением, масштабами урбанизации. Особое очарование теперь несут даже лондонская суэта и темные стороны городской жизни.

Таким образом, в описываемом субтексте из состава лондонского текста ключевым компонентом смысла является сема «новый». Кроме того, в указанный период начинается переосмысление викторианского культурного кода со смещением оценочного вектора.

Раздел, посвященный лондонской театральной жизни во времена О. Уайльда, служит иллюстрацией того, как может быть реализован театральный субтекст из состава лондонского текста. Этот субтекст представляет особую ценность для представителей английского социума, в частности, потому, что метафора «Лондон-театр» является социально-нормированной и ключевой в построении лондонского текста как целого.

Соответственно, была выявлена аксиологическая составляющая театрального субтекста. Так, в описываемый период ходить в театр опять стало очень модным, тем более что в репертуаре лондонских театров были постановки на любой вкус: от классической трагедии до бурлеска. Именно в театре формируются культурные предпочтения различных социальных слоев; в некоторых случаях он даже способствует их взаимодействию.

Театр становится площадкой для экспериментов, социальных и художественных. На лондонской сцене впервые появляются постановки на тему взаимоотношения полов, в пьесах начинают проследиваться феминистические мотивы: центральные женские персонажи в них – это волевые личности, обладающие большой нравственной силой, которая берет начало в этике пуританства. Таким образом, викторианский культурный код, воплощающий консервативную мораль, начинает пересматриваться. В частности, теряет популярность викторианская мелодраматическая традиция и замещается социальной сатирой.

К концу эпохи Уайльда лондонский театр вырабатывает два ключевых положения. Во-первых, чистое искусство есть нечто бесполезное: оно теряет смысл, когда перестает быть действенным; во-вторых, оно не должно идеализировать и упрощать действительность, что до этого часто характеризовало викторианскую драму.

Важнейшей формой английской художественной литературы конца XX и начала XXI вв. считается роман об иммиграции. При этом постколониальный мультикультурный субтекст являет собой одну из наиболее часто реализуемых составляющих лондонского текста.

Новый этап в развитии традиции написания романов об иммиграции в Лондон ознаменовывает роман З. Смит «Белые зубы» (2001), который воплощает идею новой, многоконфессиональной и полиэтнической английскости. Роман рассматривается как «сильная», важнейшая реализация исследуемого сверхтекста.

В романе несколько переосмысливается мультикультурный код, являющийся главенствующим в описаниях британской столицы начиная с 60-х гг. XX в. Это переосмысление связано с погашением ряда признаков в составе лондонского текста и наведением или актуализацией признаков новых. Так, в романе демонстрируется несостоятельность провозглашенной предыдущими писателями-мультикультуралистами идеи о том, что визитной карточкой Лондона является гармоничное сосуществование культур. Кроме того, поднимается проблема исламского фундаментализма и демонстрируется, как дети иммигрантов, молодые люди, для которых Англия – родная страна, примыкают к радикальным течениям. Такой сценарий образует весьма важный динамический смысловой компонент в составе лондонского текста.

Пространство британской столицы описывается с помощью метафоры ринга, на котором приезжим приходится отстаивать свое право жить и работать, соблюдать свои традиции и исповедовать свою религию. В романе реализуется безрадостная картина Лондона конца XX века, в котором, несмотря на множественность и соприсутствие культур и народов, иммигранты с неевропейской внешностью так и остаются «чужими», даже родившись и прожив несколько десятилетий в Англии. Таким образом, в романе реализуется традиционный набор компонентов «Лондон – враждебное пространство», однако с его проекцией на актуальную мультикультурную парадигму.

Полиэтническое население современного Лондона характеризуется неоднозначными межрасовыми отношениями, и в нем существуют смешанные, переходные идентичности.

Метафора «Лондон – плавильный котел культур», являющаяся ключевой, образующей для более ранних реализаций мультикультурного субтекста лондонского текста, присутствует в романе лишь в нейтрализованном виде, подменяясь актуализуемым смысловым компонентом экзотичности.

Для автора не приемлем «бутиковый» мультикультурализм – мишурная эклектичность лондонских ресторанов, пестрота этнических фестивалей и другие виды «заигрывания» с иными культурами.

Роман «Белые зубы» написан в жанре т. н. истерического реализма, характеризуясь преувеличенной значимостью деталей и периферийных компонентов лондонского текста, а также нарочитой экстравагантностью, неоправданным гротеском в трактовке повседневной реальности.

В романе преимущественно актуализованы те компоненты лондонского текста, которые являются общими для сверхтекстов любых мегаполисов. Относительная безликость лондонского пространства символизирует распавшийся и обособившийся мир предметов и человеческих отношений.

В романе, тем не менее, воспроизведена характерная концепция лондонского времени: искаженное его течение, перекрывание и взаимоналожение эпох, возврат к мифологической концептуализации действительности.

Лондон как бывшая столица Британской империи формирует в сознании героев устойчивые мифологические представления, т.е. для них нейтрализованные признаки современного лондонского текста существуют актуально. Например, в романе представлен ряд метафор застывшего колониального времени. Таким образом, З. Смит косвенно указывает на асинхронность формирования ключевого текста культуры у представителей других культур. Тем не менее, Лондон – центр бывшей империи принимает метафорическую форму устаревшего текста, отмирающей знаковой системы.

Роман «Белые зубы» лишён чувства симпатии к Великобритании и к Лондону, которое формировало важный мифологический фон для творчества ряда писателей из стран Карибского бассейна

Лондон не является «главным героем» романа «Белые зубы»; это просто место действия, однако в книге реализован обширный набор характерных компонентов лондонского текста. Это еще раз свидетельствует о том, что схожесть текстов, которые образуют лондонский текст, объясняется более глубокими причинами, чем простое цитирование, реминисценции или подражание: не влиянием одного текста на другой, одного автора на другого, а наличием сверхтрадиции.

В **Приложениях** к исследованию приводятся перечни производных слов от имени «London», устойчивых словосочетаний и речений с его участием, а также комментарии к этим перечням.

**Основные результаты** когнитивно-семиотического исследования лондонского текста английской лингвокультуры и его семантической реконструкции сводятся к следующим положениям:

Для установления точных соответствий между английским языком и когнитивными представлениями, разделяемыми представителями английского

лингвосоциума, данное исследование закономерно обратилось к семиотическому моделированию, т. к. человеческое мышление является по своей природе знаковым, а знак становится знаком только тогда, когда он кому-либо адресуется и интерпретируется как знак чьим-либо мышлением. При этом было доказано, что одной из основных черт семиотики является сверхтекстовость, когда текст понимается как некоторая общая модель для группы текстов – в рамках контекстуальной теории текста, задача которой заключается в построении некоторого текста-конструкта, воплощающего некоторую общую идею, а затем – в генерировании всех возможных реализаций исходного текста и их сопоставлении. При этом в реализующемся в тексте «трехмерном пространстве языка»: синтактике, семантике и прагматике – на материале английского языка были получены важные обобщения для когнитивной лингвистики.

Текст рассматривался как порождающий смысл механизм: как гетерогенный и гетероструктурный объект, являющий собою реализацию нескольких семиотических языков. Он наблюдался не в качестве завершеного продукта, а как его генерирование, включенное в другие тексты и коды и связанное с английским обществом и его историей благодаря межтекстовым ассоциациям.

Интеграция когнитивного и семиотического подходов осуществлялась в рамках концепции единой (объединенной) семантики, разработанной французскими структурными лингвистами. Семиотический анализ текста при этом заключался в выявлении в нем пропозиций различной степени общности, в выделении и классификации предикатов, которыми персонажи и «вещи» наделяются в тексте, и, наконец, во включении индивидуальных сущностей из текста в общие разряды, что способствовало более полному раскрытию картины глубинного устройства мира с позиций данного текста, существующего в рамках английской лингвокультуры.

Анализ ментальных сущностей английской лингвокультуры через семантическое исследование соответствующих им текстов позволило решить ряд методологических задач: использовать в анализе строгие лингвистические процедуры; интегрировать языкознание с литературоведением и «вторичными моделирующими системами» в рамках общего семиотического подхода; продемонстрировать, что у значимых концептов или культурных констант имеются не только «объективно истинные» признаки; исследовать ментальный фрагмент с позиций диалогичности и приращения новых смыслов – в терминах актуализации потенциальных социолектных и идиолектных сем (появление новых интерпретаций текста в новые эпохи, его различные толкования различными социальными группами, текст как продукт не только автора, но и читателя).

Понятие городского текста отражает неклассический тип художественного мышления и современные эстетические реалии. В литературоведческой перспективе лондонский текст – это комплекс образов, мотивов, сюжетов, который воплощает модель бытия в британской столице как специфического феномена культуры. С лингвистических позиций, это формализованное семантическое представление объекта реальной действительности, которое включает в себя не только его объективно истинные признаки; это нормативная

реконструкция. Это «глобальная» вербализация концепта «Лондон», получаемая путем сближения текстов исследуемой смысловой сферы, т.е. текстов, в которых наличествуют вербализации данного концепта; это теоретико-множественная сумма признаков, характерных для произведений, которые составляют субстрат лондонского текста (являются его реализациями). Лондонский текст выступает здесь в качестве концептуального каркаса.

Являя собой свертхтекст и гипертекст, лондонский текст имеет нелинейную структуру, характеризуется диффузными границами и дискретностью, строится на основе интерсемиотичности, а межтекстовые переключки и совпадения образующих его текстов объясняются более глубокими причинами, чем простое цитирование, реминисценции или подражание – не влиянием одного текста на другой текст, одного автора на другого автора, а наличием некоторой «сверхтрадиции»

Аллюзивный, интертекстуальный характер лондонского текста заключается в его способности эвоцировать другие свертхтексты английской лингвокультуры – подобно тому, как в его реализациях содержатся отсылки к другим текстам.

Лондонский текст подлежал наблюдению не как застывший продукт, а как его производство, включенное в другие тексты, другие коды и тем самым связанное с обществом и историей за счет межтекстовых ассоциаций. Выявление этих межтекстовых ассоциаций выводит интерпретацию текста за пределы его имманентной структуры, т.е. текст, содержащий описание Лондона, не может считаться самодостаточным.

Было установлено, что даже если в конкретной реализации лондонского текста нет намеренных интертекстуальных включений, их число все равно не может быть нулевым, поскольку текст не создается *ab nihilo*, что указывает на обусловленность каждой отдельной реализации всем свертхтекстом, который, в свою очередь, включен в меж-свертхтекстовые парадигмы. Таким образом, самодостаточность некоторой реализации лондонского текста никогда не может быть полной, но она также не может быть нулевой, поскольку ни в одном тексте нет неисчерпаемого смысла. Кроме того, было доказано, что лондонский текст не структурируется линейно и строится по принципу многомерного объекта.

Реконструкция лондонского текста осуществлялась на основе семантического анализа произведений английской литературы с XVI по XXI вв. Эти произведения включены в английский литературный канон, т.е. в тот набор произведений, который изучается в Великобритании в средней и высшей школе, перечитывается из поколения в поколение и отвечает ряду других критериев. Именно на основе литературного канона формируется концептосфера образованных носителей языка. Литературные произведения, отобранные в качестве материала исследования, обращаются к лондонской тематике, и, как было продемонстрировано, сближает их не только тема, но и сходная ее трактовка или предикация сходных признаков, актуализованных в этом микрокорпусе.

Было доказано, что предпосылкой для интерпретации существующих текстов о Лондоне и порождения новых текстов о нем служит знание художественных миров или типичных текстовых структур. Этот факт связан с интертекстуальным характером Лондонского текста, и отсюда проистекает схожесть описаний

Лондона у самых различных авторов. В исследовании была выделена функция расширения значения EXT, которая на основе интерпретирующих процедур позволяет находить проявления сущностей в мирах, заданных в качестве аргумента. Так, брался мир  $w$  и сущность  $L$  (*London*), выражаемая набором семантических признаков, то EXT ( $L$ ) ( $w$ ) будет подмиром, который является проявлением  $L$  в мире  $w$ , т.е. результирующий набор признаков  $L_I = \text{EXT}(L)(w)$ . Мир  $w$  рассматривался в качестве трансформации «онтологически реального» мира  $W$  в зависимости от социолектных и идиолектных установок автора как конструктора текста или некоторого мира  $w$  и читателя как его дешифратора.

В качестве сущности  $L$  также рассматривались семемы, входящие в таксемы или классы семем, которые соотносятся по одной или нескольким общим семам с семемой, которая вербально репрезентируется лексемой «London». Было указано на то, что практически во всех текстах, где фигурирует наименование «London», оно прежде всего истолковывается (i) как урбанизированное пространство, город; (ii) как столица Великобритании. В прочих текстах семы /urban area/ и /capital city/ всегда присутствует в актуализованном или виртуализованном виде. Эти семы являются родовыми для таксем //urban area// и //capital city//, в состав которых входят семемы 'town', 'borough', 'city', 'emporium', 'cosmopolis', 'metropolis', 'agglomeration', 'conglomeration', 'conurbation', 'sprawl', 'megalopolis', 'capital'. Попутно был продемонстрирован фундаментальный характер оппозиции «город – не город», «столица – периферия», а также то, что город как таковой существует в сознании как архетип, визуально-понятийный паттерн илимыслеобраз.

Была выявлена организация перечисленных семем в языке: они представляют собой гипо-гиперонимический ряды и строятся на иерархии сем (в частности, по возрастанию степени урбанизации пространства). За счет изучения синтагматических и парадигматических связей этих семем и подстановку их в формулу  $L_I = \text{EXT}(L)(w)$  в исследовании представилось возможным выявить больше признаков лондонского текста, чем если бы в качестве  $L$  использовалась только «словарную» семему 'London'. При суммировании полученных смыслов, которые были выявлены в интерпретирующих семемах в зависимости от контекста, в исследовании было получено достаточно полное семантическое описание исследуемого текста.

Таким образом, при рассмотрении перечисленных семем в качестве отправной точки в реконструкции лондонского текста, учитывалось, что любая из них может быть интерпретирована по-разному в зависимости от конкретной реализации. При таком «синтаксическом» способе реконструкции значения во внимание принималась нелокализованность смысла в отдельной семеме: семантика выявлялась на основе целой синтаксической конструкции, сверхфразового единства или нескольких объединенных синтаксем.

Тем не менее, в ходе исследования подтвердилось положение о том, что множественность версий мира, предлагаемых различными авторами и описываемых на основе бесконечных ассоциативно-отсылочных рядов, делает невозможным окончательное и полное описание действительности, ее исчерпывающую лингвистическую реконструкцию.



Перечисленные семемы отождествлялись в исследовании со слоями или уровнями лондонского текста.

В исследовании лондонского текста свое подтверждение нашла важная закономерность концептуализации действительности человеком, заключающаяся в том, что у одного и того же предмета при восприятии актуализуются различные его свойства в зависимости от прагматического отношения к нему. Тот факт, что у одного объекта актуализуются различные свойства, с одной стороны, позволяет обозначать его разными лексемами, а с другой – в одной и той же семеме, его обозначающей, актуализуются разные семы, отражающие те свойства объекта, которые в данном случае выступают на передний план. Таким образом, выделение в работе противоречащих друг другу смысловых компонентов способствовало более многогранному описанию лондонского текста и идентификации неожиданных, непрогнозируемых его реализаций.

В соответствии с выбранной методологией выделение сем и семем в исследовании осуществлялось не референциально, а интенционально: семы определялись через отношения между семемами; эти отношения детерминировались лингвистическим и ситуационным / прагматическим контекстом; определение семемы также являлось исключительно дифференциальным. Таким образом, была решена проблема описания безденотатных имен типа *esumenopolis* «город-мир» и трактовки метафорических употреблений типа «London is a prison», не являющихся истинными с точки зрения референции к объектам действительного мира.

Было обосновано положение о том, что семантические классы, на основе которых описывается лондонский текст, строятся исходя из (i) онтологических таксономий; (ii) социолектных норм; (iii) идиолектного постижения действительности. Реконструкция лондонского текста была начата с онтологических таксономий, но это всего лишь вопрос последовательности: при описании лондонского текста были учтены все системы представления знания. При этом онтологические, «объективные» категории служили фоном, на котором выделялись специфические признаки категорий «субъективных».

При выявлении признаков исследуемого сверхтекста и описании его реализаций нельзя было ограничиться «объективно истинной» стороной онтологического бытия. Для моделирования культурно-значимых сверхтекстов необходимы литературные тексты, а речь в них идет не только о том, что имеет место в реальном мире, но и о том, что могло бы быть в некотором возможном мире – ассумптивном универсуме, зависящем от личности автора, интертекстуальной рамки, стилевой отнесенности, аксиологических установок и проч. Предметом анализа, соответственно, был не мир как таковой, а его концептуализация в рамках некоторой системы мнения (например, признак *foggy* «туманный» в составе лондонского текста не является «объективно истинным», но опосредованным литературной традицией). Это, однако, не означало отказа от действительного мира, но предполагало разграничение реальности и текста, между которыми, безусловно, существует некоторое соответствие. Если бы работа ограничилась онтологически существенными признаками, то она сосредоточилась бы лишь на «вещественной» стороне исследуемого фрагмента действительности, в

то время как оно репрезентировано в сверхтексте через ценностные суждения. Действительно, выражение «London is Babylon», например, не истинно, но обладает большой аксиологической силой.

Проведенный анализ позволил реконструировать структуру лондонского текста. Во-первых, он реализуется в построениях с участием лексемы «London» и производных от нее образований, в корпусе устойчивых словосочетаний и речений с именем «London», в построениях с лексическими репрезентациями семем, входящих в таксемы //urban area// и //capital city// и объективирующих различные аспекты британской столицы.

Во-вторых, отождествление семем со сверхтекстовыми слоями обеспечило условное выделение в его составе 12 слоев. Это тем более релевантно, что каждое из соответствующих имен, как было продемонстрировано, имеет устойчивые ассоциации в системе культуры. При этом фразеологические единицы, а также устойчивые словосочетания и речения с участием данных имен, а также производные образования образуют подслои лондонского текста.

В-третьих, метафорическими реализациями описываются другие уровни сверхтекста – в рамках принятого в исследовании рассмотрения метафоры как категориального сдвига.

В-четвертых, участием различных семиотических систем в формировании лондонского текста обеспечивается его многомерность.

Тем не менее, любое четкое структурирование сверхтекста являет собой упрощенную модель, поскольку, характеризуясь нелинейностью и стохастичностью, сверхтекст не имеет четкой организации и потенциально открыт для привнесения или перегруппировки признаков.

В рамках соотнесения сверхтекстового и ментального уровней структурирования было установлено, что с когнитивных позиций реализации лондонского текста в построениях с лексическими репрезентациями семем, входящих в таксемы //urban area// и //capital city//, обусловлены включением концепта «London» в рамочные схемы и в образующие их фреймы, которые соотносятся с обозначенными семемами.

В исследовании было принято, что реализации лондонского текста в построениях с производными словами от лексемы «London» являются результатом конкретного концептуального наполнения общего схематического действия или явления, выражаемого аффиксом (и на семантическом уровне описываемого семемой аффикса). Реализации лондонского текста в устойчивых словосочетаниях с участием имени «London» свидетельствуют о вхождении исследуемого сверхтекста в парадигмы устойчивых знаний в рамках английской культуры. Метафорические реализации лондонского текста являются следствием проекции на когнитивно-концептуальном уровне одной понятийной области на другую или так называемого концептуального слияния. Реализации лондонского текста в устойчивых речениях демонстрируют актуализацию периферийных, противоречивых признаков, что служит еще одним подтверждением вероятностного характера, исследуемого сверхтекста. Реализации лондонского текста в построениях с участием топонимов содержат актуализации его различных

признаков, которые могут влечь за собой цепочки ассоциаций и конституировать индивидуально-авторский субтекст в составе лондонского текста.

В ходе исследования подтвердился постулат о том, что структура лондонского текста, как и любого другого культурно-значимого сверткста, является калейдоскопичной, вероятностной, поскольку было доказано, что компоненты смысла актуализуются в контексте и могут не осознаваться в их совокупности, определяясь через отношения между семемами, парадигматические или синтагматические, которые, в свою очередь, детерминируются прагматическим окружением, аксиологическими установками и прочими видами кодирования.

Было установлено, что структурно образующими для лондонского текста являются семантические оппозиции «urban – rural» и «urban – suburban». При их анализе был выделен набор афферентных социально-нормированных и идиолектных признаков, характеризующих Лондон как урбанизированное пространство.

Лондонский текст анализировался как инвариант, общий для английского социума. При этом, однако, было продемонстрировано, насколько далеко могут идти индивидуальные ассоциации в рамках индивидуально-авторского использования языка. Идиолектные реализации были локализованы, в частности, в непрогнозируемой сочетаемости и, соответственно, нестандартной соотношенности понятийных областей («dolent city»). Кроме того, были выделены индивидуальные ассоциативные связи между синтагматическими построениями, в которых реализуется лондонский текст («swamp – dark London – the underside of the English character»).

Было установлено, что наиболее сильные, культурно-значимые признаки лондонского текста относятся к периоду расцвета Британской империи. Это связано с экстралингвистическими факторами: в указанное время Лондон достиг статуса исторически первого мегаполиса, а в его тексте аккумулировались и развились признаки из предшествующей традиции. Было также выявлено, что в последующие эпохи эти признаки сохраняются в частично виртуализованном виде и получают переосмысление в «пост-субтекстах»: постколониальном, постиндустриальном и постмодернистском. В этой связи в работе заключается, что Лондон в период расцвета Британской империи – это основной культурный код.

Контрадикторные воззрения на Лондон, находящие отражение в семантическом составе его текста, были соотнесены в исследовании с разными ассумптивными универсумами: личностью и идиолектом автора, стилевой / интертекстуальной рамкой, аксиологической установкой, существующей в конкретный период. Выделение противоречащих друг другу признаков лондонского текста, осуществленное на основе анализа корпуса его культурно-значимых реализаций, наглядно продемонстрировало многофакторный характер исследуемого феномена. Был сделан вывод о том, что воззрения и ценностные нормы могут меняться, но, пока текст известен и является значимым в конкретной культуре, актуализованные в нем признаки будут входить в состав сверткста.

Преобладание компонентов с негативной оценочностью в корпусе выделенных признаков лондонского текста связывалось в исследовании, с той

закономерностью концептуализации действительности, что отрицательные стороны бытия воспринимаются человеком намного острее, чем положительные, способствующие комфорту факторы, которые рассматриваются как естественные, нормальные.

Было установлено, что, поскольку в английском языковом сознании Лондон в зависимости от определенных экстралингвистических факторов может отождествляться с большим количеством разнообразных сущностей, исследуемый сверхтекст крайне часто эксплицируется через метафору. Хотя реализации лондонского текста бесконечно разнообразны, в исследовании они, тем не менее, были сведены к достаточно регулярному набору метафорических употреблений, характеризующих город как элемент организации человеком мира вокруг него. При этом основу метафорических переосмыслений в основном составили топологические признаки лондонского текста. Так, среди метафор, участвующих в его формировании, был выделен ряд структурных метафор, которые структурируют объект исследования путем взаимоналожения принципиально разных областей знания (например, «Лондон – великие города древности», «Лондон – театр» или «Лондон – тюрьма»), а также ряд ключевых онтологических и корневых метафор, актуализующих те измерения лондонского текста, которые не явствуют из значения лексемы, служащей его именем (метафоры персонификации, всего мира, текста).

Был выявлен тот факт, что в английской языковой традиции Лондон может концептуализоваться как объект, имеющий женское, зачастую материнское начало, что связано с концептуализацией города вообще как объекта «женского рода» и восприятием Лондона как прародительницы английского народа, средоточия национальной идентичности (отсюда такие реализации, как «her [London's] enormous magnitude», «mother London», «progenitrix»).

В рамках понимания сверхтекста как семантического единства было предложено семантическое обоснование метафор, поскольку построения типа «London mourns» или «one can read London» могут выглядеть как противоречащие правилам ограничений на сочетаемость, поскольку они содержат несовместимые семы, что на когнитивно-концептуальном уровне приводит к логической «нестыковке» понятийных областей. Интерпретация метафорических выражений, в которых предикат или атрибут приписывается объекту, входящему в другой семантический класс, осуществлялась за счет погашения несовместимых признаков и актуализации признаков общих, т.е. на основе построения изотопии. Это позволило, во-первых, выявить новые, неочевидные компоненты смысла в составе лондонского текста и, во-вторых, описать сам процесс их привнесения в его структуру.

Обращение к аксиологическим системам позволило установить, почему одни и те же метафоры (например, «Лондон – античный Рим») несут мелиоративную и пейоративную оценочную нагрузку в разные исторические периоды. Принципиальными для семантического структурирования лондонского текста оказались не «бытийные» факты как таковые, а отношение к ним в виде ценностных суждений, содержащихся в его реализациях.

Было отмечено, что в рамках современной парадигмы гуманитарного знания, в которой для описания взаимодействия с самыми различными знаковыми

системами применяется понятие «чтения», особую значимость приобретает метафора «Лондон – текст», задающая методiku описания британской столицы в терминах грамматики, синтаксиса, элементов, обеспечивающих текстовую когезию, интертекстуальности, парадигматического прочтения, множественности толкований и т. п. Соответственно, в составе лондонского текста были выявлены динамические семантические наборы, репрезентирующие прочтение британской столицы: сценарии ее интерпретации «внутритекстовой» (или самодостаточной) и «затекстовой» (т.е. с привлечением иных культурных кодов и информации предшествующих эпох); сценарии блуждания топографического и смыслового; мотивы освоения пространства как постижения текстового смысла, и конструирования городских ландшафтов с индивидуально-психологических позиций.

Было доказано, что всегда существуют различия в наборе признаков, характеризующих один и тот же сверхтекст у различных народов, противоречия между «своими» и «чужими» представлениями о культурно-значимом фрагменте действительности. Попутно были выявлены неанглийские (наивные) и английские представления о Лондоне («triumphant» vs. «unsmart», «gentlemen's society» vs. «egalitarian» и т.д.). Такая асинхронность связывается в работе, помимо всего прочего, с тем, что интерпретирующие компетенции получателей в различных культурах не совпадают: у них разные ценностные установки и прагматические подходы. Перевод же письменных источников, необходимых для формирования сверхтекста, требует времени, и нельзя быть уверенным, что переведенные источники получают такое же распространение в принимающей культуре. Основным фактором, способствующим сокращению этого разрыва, в исследовании считается взаимообогащение культур на каждом новом историческом этапе.

Реконструкция лондонского текста позволила четко определить его аксиологическую ценность для представителей английского социума: его объект являет собой важнейшую составляющую английскости, концептуализуясь как модель общеанглийских и общемировых процессов, как аналогия человека, сознания и универсума. Такое представление о британской столице оказывается важнейшим ориентиром в сознании индивида: это результат и непосредственного ощущения, и памяти о прошлом опыте; оно равно имеет значение как для осмысления информации, так и для руководства действиями.

Наконец, проведенное исследование позволяет заключить, что объяснить отдельные компоненты лондонского текста имманентными языковыми законами невозможно, поскольку сверхтексты лингвокультуры как обеспечиваются, так и ограничиваются строением человеческой памяти, воображением и общими принципами постижения мира.

### **Основные положения и научные результаты исследования получили отражение в следующих публикациях:**

*Статья в библиографической и реферативной базе «Scopus»:*

1. Sosnin A.V. Intersemioticity and Multimedia – Transition from Traditional to Electronic Texts / A.V. Sosnin, Yu.V. Balakina // *Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis*. 2017. Vol. 134. No. 4. Pp. 323-335.

*Статьи в научных изданиях, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук:*

2. Соснин А.В. Метафора организма как ключевая метафора в формировании лондонского текста английского языка и культуры / А.В. Соснин // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 2. С. 101-112.
3. Соснин А.В. Интерсемиотичность и мультимедийность: от традиционных текстов к электронным / А.В. Соснин, Ю.В. Балакина // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 161-172.
4. Соснин А.В. К вопросу о стохастичном характере концепта и его вхождении в когнитивные парадигмы / А.В. Соснин // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. № 6/1. С. 231-238.
5. Соснин А.В. Концепт как ментальный репрезентант сверткста / А.В. Соснин // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. № 5/1. С. 244-251.
6. Соснин А.В. Временной разрыв в формировании сверткстов культуры у ее представителей и у носителей других культур (на примере лондонского текста английской литературы) / А.В. Соснин // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 2. № 6. С. 305-314.
7. Соснин А.В. Апология литературного канона в лингвистическом исследовании / А.В. Соснин // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 1. № 6. С. 412-419.
8. Соснин А.В. Теоретические основы переключения кодов и функционирования заимствований с позиций контактной лингвистики / А.В. Соснин, Ю.В. Балакина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 5-11.
9. Соснин А.В. Концептуализация Лондона через женское начало / А.В. Соснин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 56-60.
10. Соснин А.В. Лондонский текст как когнитивно-семиотический конструкт / А.В. Соснин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4. С. 53-57.
11. Соснин А.В. По лондонским маршрутам Вирджинии Вулф / А.В. Соснин, Е.А. Ситникова // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. 2014. № 1 (25). С. 91-104.
12. Соснин А.В. Театральная жизнь в Лондоне во времена Оскара Уайльда / А.В. Соснин // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2 (24). С. 303-310.
13. Соснин А.В. Упорядоченность Лондона и вортицизм. Визуальный компонент текстов о Лондоне / А.В. Соснин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 3. С. 59-63.

14. Соснин А.В. Мультикультурный Лондон в романе Зейди Смит «Белые зубы» / А.В. Соснин, Е.А. Ситникова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2013. № 21. С. 115-131.
  15. Соснин А.В. Психологическая география британской столицы на примере романа М. Муркока «Лондон любовь моя» / А.В. Соснин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2013. № 1. С. 84-90.
  16. Соснин А.В. К вопросу о возможности соотнесения когнитивного и семиотического моделирования фрагмента действительности в лингвистическом исследовании / А.В. Соснин // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2012. № 19. С. 101-112.
  17. Соснин А.В. Очерк литературной жизни Лондона времен Оскара Уайльда / А.В. Соснин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика, 2012. № 2. С. 109-114.
  18. Соснин А.В. Прологомены к описанию лондонского текста // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2012. № 2. С. 101-107.
  19. Соснин А.В. Роль «женской» метафоры в концептуализации Лондона (на материале художественного текста) / А.В. Соснин, М.С. Ретунская // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2012, № 17. С. 100-110.
  20. Соснин А.В. Математическое обоснование многомерности и несамодостаточности текста / А.В. Соснин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012, № 1 С. 194-199.
  21. Соснин А.В. Альтернативные модели описания метафорических процессов в языке / А.В. Соснин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1. С. 69-72.
- Статьи в научных журналах и сборниках материалов конференций:*
22. Соснин А.В. Текстема как языковая единица и сверхтекстовый конструкт / А.В. Соснин // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Сборник материалов Всероссийской научной конференции «Скребневские чтения» 26 октября 2016 г. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2016. С. 170-180.
  23. Соснин А.В. Методика лингвистического описания сверхтекстовых единств (на примере лондонского текста в английской языковой традиции) / А.В. Соснин // Стратегии и тактики в англоязычном речевом общении: Материалы научной конференции к 75-летию доктора филологических наук, профессора М.С. Ретунской 28 октября 2015 г. Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2015. С. 200-216.
  24. Соснин А.В. Аллюзивный процесс при прочтении гипертекста / А.В. Соснин // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Сборник материалов международной научной конференции «Скребневские чтения» 16-17 апреля 2014 г. Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2014. С. 181-190.

25. Соснин А.В. Концепция лондонского времени применительно к описанию лондонского текста / А.В. Соснин // Язык. Речь. Речевая деятельность: Межвузовский сборник научных трудов: сборник статей. Вып.13 Н. Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2012. С. 65-73.
26. Соснин А.В. Теоретические предпосылки к изучению лондонского текста как семантической репрезентации стоящего за ним ментального представления о фрагменте реальной действительности / А.В. Соснин // Сборник материалов международной конференции «Скребневские чтения», посвященной 90-летию заслуженного деятеля науки РФ, д. филолог. н., проф. Ю.М. Скребнева. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2012. С. 269-279.
27. Соснин А.В. О перспективах исследования лондонского текста со строго лингвистических позиций / А.В. Соснин // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Сборник материалов международной научной конференции «Скребневские чтения» 16 мая 2011 г. Выпуск 27. Н. Новгород: Изд-во ГОУ ВПО НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2011. – С. 108-111.
28. Соснин А.В. Литературный канон и принципы отбора материала для современного лексикологического исследования / А.В. Соснин, М.С. Солодаева // Иностраный язык в национальном исследовательском университете: новые задачи и ценностные ориентации. – Сборник материалов научной конференции 19 февраля 2010 г. Н. Новгород: ГОУ ВПО «Государственный университет – Высшая школа экономики», Нижегородский филиал, 2011. С. 331-335.
29. Соснин А.В. Асинхронность в формировании литературного канона у представителей различных культур и синфазность восприятия лондонского текста / А.В. Соснин // Русский акцент в мировой культуре: литература, искусство, перевод: Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 30-летию кафедры зарубежной литературы и теории межкультурной коммуникации НГЛУ. Н. Новгород: Изд-во ГОУ ВПО НГЛУ, 2010. С. 211-216.
30. Соснин А.В. Метафора как отражение физической деятельности человека / А.В. Соснин // Лингвистические основы межкультурной коммуникации: Сборник материалов международной научной конференции 10-11 декабря 2009 г. Н. Новгород: Изд-во ГОУ ВПО НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2010. С. 134-136.
31. Соснин А.В. Метафора «Лондон-как-текст» / А.В. Соснин // Проблемы лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации: Сборник научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Выпуск 8. Н. Новгород: Изд-во ГОУ ВПО НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2007. С. 114-119.
32. Соснин А.В. Смысловая триада «Город-Человек-Мир» / А.В. Соснин // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Вып. 1: «Проблемы теории, практики и дидактики перевода». Н. Новгород: Изд-во ГОУ ВПО НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2007. С. 337-342.